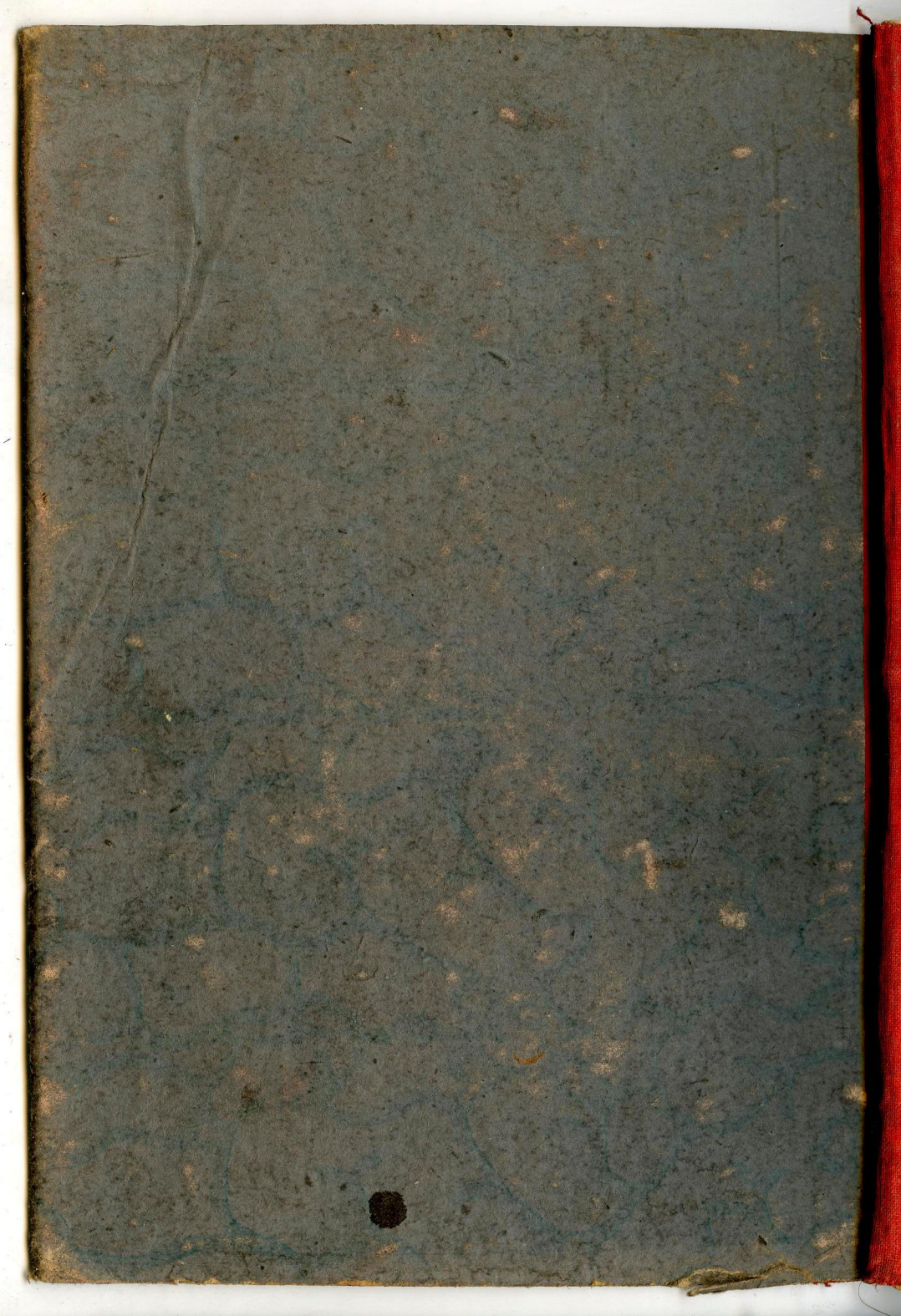
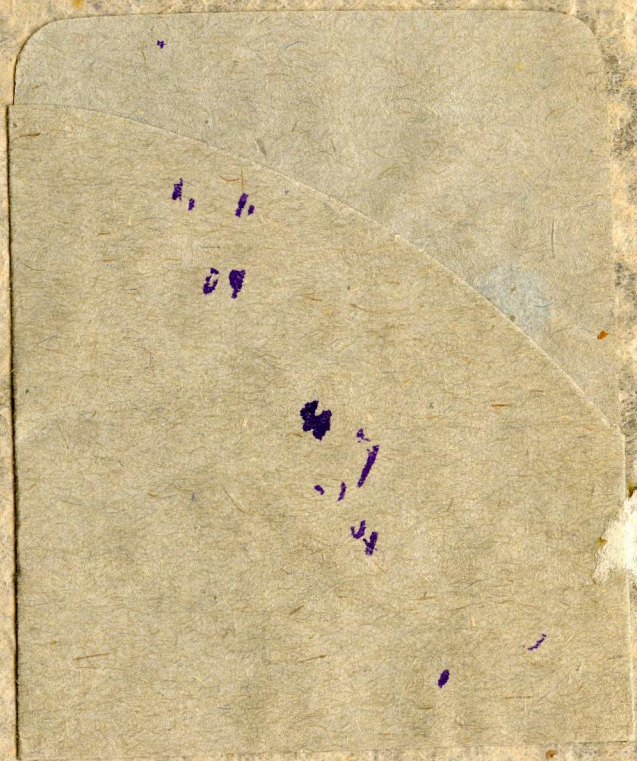

27989

3. V

1007

А. Богдановъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ЗАДАЧИ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ЦНБ ХНУ ім. В.Н. Каразіна

2010 р.

Издание С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА—1911.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХНУ
Ім. М.

1.5
—
1001

1.5
—
1001

3. V

1007

Въ своемъ точномъ и полномъ значеніи слово „культура“ охватываетъ всю сумму приобрѣтеній, матеріальныхъ и не-матеріальныхъ, которыя сдѣланы человѣчествомъ въ процессъ труда, и которыя возвышаютъ, облагораживаютъ его жизнь, давая ему власть надъ стихійной природою и надъ самимъ собою. Сюда входятъ и развитіе орудій, примѣняемыхъ людьми въ ихъ совместной борьбѣ за существованіе; и способы ихъ сотрудничества—сочетанія ихъ усилій въ этой борьбѣ; и физическое совершенство тѣла—его сила, ловкость, красота, — достигнутое сознательнымъ его упражненіемъ; и языкъ людей, объединяющій ихъ дѣятельность путемъ взаимнаго пониманія; и все познаніе, воплощающее накопленный опытъ ихъ прошлаго; и искусство, связывающее многообразныя переживанія людей единствомъ настроенія; и обычаи, нравственность, правовыя, политическія учрежденія, отличающія жизненное общеніе людей въ опредѣленные, строго выработанныя формы. Все это законно и правильно разсматривается, какъ элементы человѣческой культуры.

Но когда говорятъ о „культурныхъ задачахъ“, то, обыкновенно, понятіе суживается, и въ немъ подразумѣваютъ только одну сторону цѣлаго, одну часть его элементовъ, именно такъ называемую „духовную культуру“: міровоззрѣніе, художественное творчество, этическія, политическія отношенія и т. п., — то, что всего точнѣе обозначается какъ „идеологія“, общественное сознаніе людей. Въ этомъ, наиболѣе общепринятомъ смыслѣ, буду и я касаться вопроса о культурныхъ задачахъ нашей эпохи. Дѣло въ томъ, что понятіе культуры суживается здѣсь не случайно, и не случайно; когда дѣло идетъ объ ея задачахъ, идеологія выступаетъ на первый планъ, какъ бы заслоняя „матеріальную“ сторону жизни. Задачи матеріальной культуры сводятся всегда къ одному—къ развитію производительныхъ силъ общества, его вла-

сти надъ внѣшней природою; онѣ и ставятся, и разрѣшаются практически, конкретно, на полѣ непосредственной трудовой дѣятельности людей, въ сферѣ производства. Какъ усовершенствовать то или иное орудіе, какъ использовать ту или иную стихійную силу, какъ найти новые источники энергіи для планомѣрной эксплуатаціи, какимъ способомъ распредѣлить и сгруппировать рабочія силы для наилучшаго достиженія данной технической цѣли,—вотъ вопросы матеріальной культуры: ихъ не приходится изслѣдовать въ общей формѣ, какъ соціально-культурныя задачи. Иное дѣло вопросы идеологіи. Они всегда тяготеютъ къ системѣ, къ единству; ихъ частныя рѣшенія неизбежно подчиняются общимъ тенденціямъ, или „принципамъ“. Принципы міровоззрѣнія, мірочувствованія, соціальнаго поведенія концентрируютъ въ себѣ сущность цѣлыхъ обширныхъ формацій духовной культуры, выражаютъ собою цѣлыя линіи соціально-идеологическаго развитія. И потому, если дѣло идетъ о смѣнѣ такихъ принциповъ, т.-е. о перестройкѣ системъ соціальной идеологіи, то передъ нами выступаютъ „культурныя задачи“ эпохи въ самомъ широкомъ ихъ значеніи, въ общечеловѣческомъ ихъ масштабѣ.

И все-таки нѣтъ двухъ отдѣльныхъ культуръ, матеріальной и духовной. Какъ только мы захотимъ понять жизненный смыслъ и происхожденіе объединяющихъ идеологическихъ принциповъ,—изслѣдованіе приведетъ насъ къ „матеріальнымъ“ условіямъ, т.-е. техническимъ и экономическимъ. Технической уровень общества, его экономическое строеніе — вотъ чѣмъ опредѣляются его культурныя задачи, вотъ откуда онѣ исходятъ.

Но разсмотримъ эту связь болѣе конкретно, чтобы, опираясь на нее, выяснить въ существенныхъ чертахъ культурныя задачи нашего времени.

I.

Въ тѣ времена, когда общество не распадалось на борющіеся классы, а было едино въ своей организаціи,—единой была и его культура.

Среди родовой общины господствуетъ одинаковое міровоззрѣніе, одинаковое мірочувствованіе, одни и тѣ же нравственные понятія у всѣхъ ея членовъ, отъ ея руководителя-патріарха до усыновленныхъ ею плѣнниковъ-„рабовъ“.

Феодальная система, въ ея чистомъ видѣ, заключала въ себѣ раздѣленіе людей на сословія—властвующихъ и подвластныхъ,—но еще не знала борьбы между ними. И здѣсь культура остается едина, но въ ней намѣчается внутренняя двойственность. Религія одна и та же, но нѣкоторыя части ея ученія составляютъ „тайну“ духовнаго сословія, и недоступны остальнымъ членамъ общества, которымъ, однако, и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ истинѣ и глубокомъ значеніи этой „тайны“. Обычаи, нравственные понятія тоже въ равной мѣрѣ признаются всѣми безъ различія сословій,—но сами дѣлаютъ различія между ними. То, что допустимо и нравственно для феодала, недопустимо и безнравственно для вассала-крестьянина, а также и наоборотъ. Для одного добродѣтелью является гордость, а для другого—смирненіе; первый имѣетъ право быть распущеннымъ, но былъ бы на-вѣки опозоренъ малѣйшимъ проявленіемъ трусости; второй не обязанъ быть безстрашнымъ, но не долженъ уклоняться на стезю разврата, и т. п. Тутъ вовсе нѣтъ двухъ моралей, господской и рабьей, а есть одна, господско-рабская мораль, въ силу которой подчиненный въ своемъ влѣстительѣ уважаетъ то, что счелъ бы для себя гнуснымъ, а влѣститель признаетъ нормальнымъ для своего подчиненнаго то, чего никогда не подумалъ бы позволить себѣ самому.

Въ обществѣ новѣйшемъ, классовомъ, царствуетъ уже не

простое раздѣленіе, а борьба; единства культуры нѣтъ, и быть не можетъ. Каждому классу свойственно иное міропониманіе, чѣмъ другимъ классамъ, иная оцѣнка и нормы человѣческаго поведенія. Тѣ самыя религіозныя вѣрованья, которыя для захолустнаго крестьянина представляютъ незыблемую и священную истину, для просвѣщенно-либеральнаго буржуа представляютъ не болѣе какъ жалкій предрасудокъ; тѣ нравственныя понятія, на которыхъ основываетъ свое социальное поведеніе крѣпостникъ-помѣщикъ,—вреднѣйшій пережитокъ прошлаго съ точки зрѣнія сознательнаго рабочаго. Даже единство національнаго языка, вѣшнимъ образомъ связывающее различные классы, въ значительной мѣрѣ является иллюзіей: не говоря уже о томъ, что самый лексиконъ различныхъ слоевъ общества далеко не вполне совпадаетъ, одни и тѣ же слова для людей разныхъ классовъ выражаютъ различное содержаніе, потому что различенъ ихъ опытъ и жизненные тенденции, съ которыми они къ нему подходятъ. Что можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ тотъ смыслъ, который вкладываютъ въ слова „свобода“ и „порядокъ“ съ одной стороны капиталисты, считающій стачку грубымъ нарушеніемъ обоихъ этихъ принциповъ, съ другой стороны—его рабочій, устраивающій стачку какъ разъ для того, чтобы получить больше свободы и внести въ жизнь больше порядка?

И при этомъ различныя культуры не просто существуютъ рядомъ, каждая въ своей сферѣ, среди своего класса; нѣтъ, онѣ противостоятъ другъ другу, какъ непримиримо-враждебныя силы, каждая стремится вытѣснить остальные, признавая только себя истиной, а прочія — ложью. Кругъ вліянія каждой изъ нихъ меньше и больше того класса, который ее создаетъ; господство и упадокъ этого класса отражаются въ господствѣ и упадкѣ его культурнаго вліянія на все общество. Такъ, въ эпоху подъема буржуазіи, тотъ строй мысли и чувства, который въ ней развивался, подчинилъ себѣ значительную часть прежней феодальной аристократіи; а затѣмъ рабочій классъ долгое время воспитывался въ немъ, и теперь не безъ труда стряхиваетъ послѣдніе его остатки. Культурно-классовая борьба ведется не только между различными классами, но и внутри ихъ.

Очевидно, что для нашего, капиталистическаго общества вопросъ о культурныхъ задачахъ времени не можетъ быть постав-

ленъ иначе, какъ по отношенію къ опредѣленному классу или классамъ. Всякая попытка изслѣдовать его на иныхъ основахъ была бы неизбежно бесплодной.

II.

Когда говорить о культурныхъ *задачахъ*, то несомнѣнно, подразумѣваютъ нѣкоторую жизненную цѣлесообразность: культура затѣмъ-то необходима, и притомъ не безразлично какая, а именно опредѣленная, по своимъ формамъ и по своему содержанію. Значить, прежде всего надо ясно понять эту цѣлесообразность или, другими словами, точно установить, для чего служить культура, какова ея реальная, практическая роль въ общественной жизни людей.

Всего легче мы можемъ это сдѣлать, если мысленно вернемся къ самому началу всякой культуры вообще,—къ ея первичному зарожденію среди человѣчества. Какъ ни мало мы знаемъ о тѣхъ до-историческихъ временахъ, но имѣются научныя данныя и выводы, вполне достовѣрные, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне достаточные для нашей цѣли. Такъ, внѣ всякаго спора находится тотъ фактъ, что древнѣйшимъ и первоначальнымъ элементомъ культуры—дѣло идетъ у насъ, конечно, о „духовной“ культурѣ—была *речь*.

Слово было той основной ячейкой, изъ какихъ затѣмъ строился мало-по-малу весь идеологическій міръ. Разумѣется, слово, взятое въ его живой конкретности, вмѣстѣ съ его значеніемъ: голое сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ еще вовсе не было бы словомъ. Я не стану говорить здѣсь о томъ, какимъ образомъ само слово произошло изъ коллективно-трудоваго акта: это предметъ самъ по себѣ очень интересный, и относительно него существуетъ вполне надежная научная теорія,—но онъ отвлекъ бы насъ отъ нашей темы ¹⁾. Для насъ важнѣе то, что слово — ору-

¹⁾ Вопросъ этотъ выясненъ въ гениальномъ изслѣдованіи Людвигъ Нуаре (L. Noiré, *Ursprung der Sprache*, 1877). Я систематически и съ поясненіями изложилъ его выводы въ своей книгѣ „Паденіе великаго фетишизма“ (1910 г., вся первая глава этой работы).

діе общенія людей—было родоначальникомъ *познанія*, т. е. коллективнаго собиранія и обработки человѣческаго опыта въ понятіяхъ, а затѣмъ изъ словъ и понятій строились всѣ болѣе важныя культурныя образованія—нормы, доктрины и т. д.

Происхожденіе понятія изъ слова, „мышленія“ изъ рѣчи мы беремъ здѣсь прямо, какъ принятое научное воззрѣніе. Понятіе—это и есть слово, только въ ослабленномъ, неполномъ видѣ, лишенное своей оболочки звука; мышленіе—внутренняя рѣчь. Тождество рѣчи и мышленія обнаруживаетъ всецѣло социальный характеръ духовной культуры, которая не можетъ существовать безъ ея внѣшняго выраженія въ человѣческомъ коллективѣ, и которая поѣтому справедливо называется общественнымъ сознаніемъ людей.¹⁾

Итакъ, что заключали въ себѣ, что выражали тѣ слова—понятія, которыя впервые образовались въ незапамятныя эпохи и послужили зародышемъ идеологическаго міра? Они были обозначеніемъ коллективно-трудовыхъ дѣйствій.

Это были простыя, устойчивыя сочетанія звуковъ „(словакорни“), которыми привычно сопровождались разные акты совместной работы людей,—трудовые крики, нѣчто въ родѣ трудовыхъ пѣсенъ поздѣйшаго времени. Каждый такой крикъ являлся естественнымъ и для всѣхъ членовъ первобытнаго коллектива понятнымъ символомъ того дѣйствія, съ которымъ былъ связанъ. Онъ служилъ работникамъ прежде всего для того, чтобы ободрять другъ друга въ процессѣ труда (какъ, положимъ, „Дубинушка“ у нашихъ приволжскихъ крестьянъ), затѣмъ—чтобы поддерживать ритмическое соотвѣтствіе индивидуальныхъ дѣйствій (подобно тому, какъ звукъ „у-ухъ“ въ „Дубинушкѣ“ представляетъ сигналъ для мгновеннаго объединенія усилій); въ дальнѣйшемъ тѣ же звуки стали употребляться и въ качествѣ призыва къ рабо-

¹⁾ Связь рѣчи и мысли хорошо выясняется, напр., въ работахъ Макса Мюллера (на русскомъ языкѣ имѣется „Наука объ языкѣ“, „Наука о мысли“ и др.).

Словесно „звуковая оболочка“ понятія, представляющая его „знакъ“, въ иныхъ случаяхъ замѣняется другими внѣшними актами, которые также способны служить средствами общенія людей: мимическіе жесты, изобразительныя движенія, лежащія въ основѣ пластическихъ искусствъ, выполненіе музыкальныхъ комбинацій, какъ способъ передачи эмоцийъ, затѣмъ письмо, и т. под. Слово—наиболѣе типичный и главный, преобладающій элементъ духовной культуры.

тамъ, въ родѣ повелительнаго наклоненія нашихъ глаголовъ. Всѣ эти основныя функціи, какъ видимъ, сводятся къ одному: первобытная рѣчь служить способомъ организовать совмѣстный трудъ членовъ первобытнаго коллектива. Идеологія въ своемъ зарожденіи выступаетъ какъ организующая форма социально-трудовой жизни.

Сохраняется или измѣняется это практическое значеніе идеологіи, этотъ ея жизненный смыслъ, въ ея дальнѣйшемъ развитіи?

III.

Отъ языка доисторическихъ дикарей съ нѣсколькими десятками словъ-корней, трудовыхъ сигналовъ, достаточныхъ для ихъ несложной борьбы за существованіе, до языка нынѣшнихъ культурныхъ націй, заключающаго сотни тысячъ отдѣльных обозначеній и почти безконечную возможность ихъ варіировать и усложнять—разстояніе, безспорно, громадное. Но присмотритесь внимательно, какую объективную роль играетъ все это колоссальное богатство формъ современной рѣчи, и вы всюду найдете въ основѣ ту же функцію — организовать социальное бытіе людей.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой надобности доказывать, какъ вещь очевидную для всякаго,—что вся гигантская система современного сотрудничества, распредѣленія, присвоенія, эта система, охватывающая десятки и сотни милліоновъ человѣческихъ единицъ, организуется при помощи словесныхъ символовъ. Путемъ словеснаго общенія, напр., „договора“ работника съ капиталистомъ, устанавливается мѣсто человѣка въ сферѣ производства, словесными указаніями опредѣляются размѣры, характеръ условія его труда, отношенія его къ другимъ работникамъ, и т. д. Посредствомъ „переговоровъ“ совершается каждый актъ мѣнового процесса, составляющаго душу современной экономической организациі; всюду, гдѣ устанавливается какое-либо взаимоотношеніе собственности, социальной силы, права и т. п., оно необходимо оформляется, опредѣляется, закрѣпляется, т. е. социальное

организуется путем его словеснаго выраженія, въ точныхъ схемахъ гибкой, развитой человѣческой рѣчи.

Конечно, идеологическая область языка шире непосредственно-трудоваго процесса и возникающихъ изъ него экономическихъ отношеній. Но возьмемъ явленіе въ самомъ общемъ его видѣ: одинъ человѣкъ, посредствомъ словъ или мимики или письма или какихъ угодно знаковъ сообщаетъ нѣчто другому человѣку. Спрашивается, что объективно при этомъ происходитъ, какое реальное жизненное измѣненіе? Очевидно, такое, что между этими двумя лицами создается нѣчто общее; это нѣчто, входившее до взятаго нами момента въ опытъ перваго, входитъ теперь также въ опытъ второго и, прямо или косвенно, вліяетъ отнынѣ на его дѣйствія. Слѣдовательно, при помощи этого акта первый приспосабливаетъ къ себѣ второго, вмѣстѣ съ его дѣйствіями. Но въ этомъ и состоитъ процессъ организациі — въ приспособленіи однихъ жизненныхъ процессовъ къ другимъ. И если социальная жизнь бесконечно усложнилась, элементарныя трудовыя дѣйствія въ борьбѣ людей за существованіе смѣнились многообразно расчлененной системою труда, съ ея безчисленными экономическими соотношеніями, съ безчисленными идеологическими выраженіями и отраженіями, — то человѣческая рѣчь продолжаетъ и здѣсь выполнять прежнюю „культурную задачу“, только въ соотвѣтственно усложненномъ видѣ: задачу организациі. ¹⁾

Иначе ли обстоитъ дѣло съ другими, производными идеологическими формами — познаніемъ, искусствомъ, моралью и т. п.?

¹⁾ Иногда слово становится орудіемъ борьбы — угроза, полемика, брань и т. п.; это какъ-будто противорѣчить представленію объ его организующей функціи. Но стоитъ присмотрѣться ближе — и противорѣчіе исчезнетъ. Даже по отношенію къ противнику боевая функція слова есть въ то же время организующая по своей тенденціи: дѣло идетъ о томъ, чтобы заставить противника отказаться отъ какихъ-либо нежелательныхъ съ точки зрѣнія нападающаго дѣйствій, стремленій, идей, — т. е. привести его къ практическому или идейному согласованію съ нападающимъ. Но обыкновенно еще больше агрессивная рѣчь направлена къ воздѣйствію на другихъ слушателей, зрителей борьбы, и стремится объединить ихъ на отрицательномъ отношеніи къ врагу, организовать поддержку съ ихъ стороны.

IV.

Познаніе заключается въ объединеніи, въ систематизаціи опыта посредствомъ понятій, т. е., въ сущности, посредствомъ словъ. На своихъ первыхъ стадіяхъ оно сводилось къ ничтожному числу простыхъ техническихъ правилъ, сохранявшихся среди родовой общины и выразившихъ обычные методы ея труда. Въ этой фазѣ его жизненная роль ясна до очевидности: оно организуетъ трудовую дѣятельность общины. Но современное познаніе въ миллионы разъ превосходитъ своей сложностью, богатствомъ содержанія, свою зародышевую форму. Оно охватываетъ самыя различныя области, и казалось бы, что, напр., абстрактно - научныя теоріи, или философскія идеи, нельзя даже сравнивать по ихъ жизненной функціи съ какими-нибудь соціально - практическими правилами; казалось бы, что теперь существуетъ самодовлѣющее, „чистое“ познаніе, которое вовсе не имѣетъ отношенія къ организаціи общественной жизни и дѣятельности. Разсмотримъ, однако, ближе связь познанія и жизни.

Современную технику крупно-капиталистическаго производства, машинную технику съ полнымъ основаніемъ называютъ научною. Это значитъ, что въ ней человѣческій трудъ въ своемъ примѣненіи къ силамъ и вещамъ внѣшней природы направляется и регулируется научными данными и выводами, т. е. организуется наукою. Такимъ образомъ въ этой сферѣ познаніе, какъ видимъ, сохранило свою прежнюю роль; и притомъ не только низшія, частныя понятія, но и самыя отвлеченныя, самыя общія, самыя далекія отъ конкретности явленій. Напр., какія идеи могутъ быть абстрактнѣе, „чище“, дальше отъ жизни, чѣмъ концепціи аналитической геометріи, интегральнаго счисленія, теоріи рядовъ и т. п.? и тѣмъ не менѣе онѣ руководятъ техникой въ организаціи огромной массы механическихъ и инженерныхъ работъ. Нельзя построить мостъ, большое зданіе, сколько-нибудь сложную машину, не выполнивши предварительно массу вычисленій при помощи этой, такъ называемой, высшей математики; иначе получится либо бесплодная растрата матерьяловъ, либо—еще хуже—будетъ построено нѣчто негодное и опасное для людей. Какая наука можетъ казаться болѣе самодовлѣющей и безкорыстной, чѣмъ астрономія? а она, какъ авторитетный организаторъ, управ-

ляет мореплаваніемъ, географическими и топографическими ра-
ботами, ея указанія часто необходимы и въ дѣлѣ проведенія до-
рогъ, и въ военномъ дѣлѣ, и въ земледѣліи, а до извѣстной сте-
пени и во всякомъ практическомъ дѣлѣ, потому что на ней осно-
вано измѣреніе времени—основа распредѣленія всякаго человѣ-
ческаго труда. Теорія свѣта представляется чистѣйшимъ удовле-
твореніемъ человѣческой любознательности; между тѣмъ она на-
ходитъ широкое руководящее примѣненіе и въ сахарномъ, и во
многихъ химическихъ производствахъ, и въ фотографическомъ
дѣлѣ, и т. д. Примѣры можно приводить безъ конца, и всѣ они
показываютъ одно: въ технической области познаніе всецѣло со-
храняетъ свою первоначальную функцію, состоящую въ томъ, что-
бы планомерно организовать общественно-трудовой процессъ.

При этомъ, такъ какъ само познаніе организовано и по-
стоянно вновь организуется въ систему, то было бы непра-
вильно вырывать изъ него тотъ или иной клочекъ, и отдѣльно
спрашивать: а какимъ способомъ организуетъ социальную дѣятель-
ность людей, положимъ, такая-то теорема дифференціального чис-
ленія, или такой-то выводъ теоріи электричества? Въ жизненной
системѣ каждая часть служить для цѣлаго, и черезъ него, слѣ-
довательно, для той функціи, которую оно выполняетъ.

Это позволяетъ намъ понять объективную роль тѣхъ философскихъ,
метафизическихъ, религіозныхъ концепцій, отношеніе которыхъ
къ непосредственно-трудовой сферѣ жизни установить особенно
трудно: какая-нибудь идея „субстанции“, „чистаго бытія“, „вер-
ховнаго абсолюта“ и т. п. Ихъ назначеніе объективно состоитъ,
или состояло въ томъ, чтобы стройно объединять, цѣлостно си-
стематизировать, словомъ—организовать то или иное міровоз-
зрѣніе, которое въ себѣ суммируетъ обыденное и научное по-
знаніе данной эпохи, даннаго класса,—познаніе, вмѣстѣ съ его
практической ролью.

Если же отъ технически-трудового процесса мы обратимся
къ другимъ областямъ социальной жизни и борьбы, то организу-
ющее значеніе познавательныхъ системъ вообще, и религіозныхъ,
метафизическихъ, философскихъ понятій въ особенности обнару-
жится для насъ еще очевиднѣе. Въ древнія времена религія бы-
ла той связью, которая сплачивала, неразрывно объединяла обще-
ство въ его отдѣльности, въ его борьбѣ съ другими совр

ему обществами, религиозное сознание было для племени, а затѣмъ для общества, и еще позже—для нарождавшихся классовъ, той всеобъемлющей организующей формою, которою опредѣлялись рамки совмѣстнаго дѣйствія, взаимной поддержки людей. 1) Религія была постояннымъ знаменемъ общественныхъ группъ въ ихъ антагонизмахъ и конфликтахъ; а знамя, само по себѣ, не оружіе и не цѣль борьбы, это—организующій символъ для арміи. Съ такой точки зрѣнія для насъ будетъ вполне понятно и естественно, что люди объединялись и жертвовали жизнью изъ-за вопроса о *ὁμοούσιος* или *ὁμοούσιος* („единосущный“ или „подобосущный“), о написаніи Ісусъ или Іисусъ и т. п.: религиозная схема, иногда сравнительно даже случайная, организовала людей для защиты ихъ живыхъ интересовъ, и эта, въ послѣдствіи отброшенная развитіемъ форма познанія, была имъ нужна, чтобы координировать ихъ дѣйствія, собирать и концентрировать ихъ силы, какъ дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ повелительный голосъ вождя-организатора.

Въ дальнѣйшемъ такую же роль стали выполнять философскія и научныя теоріи. Освободительно-индивидуалистическая философія, въ разныхъ ея видахъ, была жизненной руководящей и знаменемъ прогрессивныхъ общественныхъ слоевъ отъ эпохи возрожденія до революцій XIX вѣка. Теорія Коперника не только обобщала астрономическій опытъ вѣковъ, но и группировала вокругъ себя людей, интересы которыхъ не мирились съ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ той эпохи и съ интересами его носителей, господствовавшихъ тогда классовъ. А въ наше время понятіе „научнаго социализма“, соединяющее идею научнаго познанія съ лозунгомъ классовой организаціи, прекрасно раскрываетъ организующую функцію научной мысли.

Поставимъ вопросъ о реальномъ, объективномъ смыслѣ познанія въ самой общей его формѣ: что въ дѣйствительности происходитъ, когда нѣчто познано? Къ накопленной людьми суммѣ опыта прибавляется нѣкоторый новый опытъ, имѣющій значеніе не для одного какого-нибудь человѣка, но для всякаго, кому онъ будетъ „сообщенъ.“ Значитъ, отнынѣ этотъ новый

1) Слово „религія“ какъ рвзъ и соотвѣтствуетъ по своему основному значенію нашему слову „связь“; по крайней мѣрѣ, таково наиболѣе обычное истолкованіе, которое давалось ему филологами (лат. *religare*—связывать).

9 опытъ, во-первыхъ, передаваясь отъ одного члена коллектива къ другому, увеличиваетъ собою то общее жизненное содержаніе, которое ихъ сближаетъ, которое даетъ имъ общую опору въ жизни, увеличиваетъ ихъ взаимное пониманіе, а тѣмъ самымъ упрочиваетъ и облегчаетъ единство ихъ практическаго дѣйствія. Во-вторыхъ, этотъ новый опытъ долженъ „приниматься во вниманіе“ въ послѣдующей дѣятельности членовъ коллектива, трудовой, познавательной и всякой иной, съ которою онъ можетъ прійти въ соприкосновеніе; т.-е., послѣдующая дѣятельность, производственная и культурная, въ той или иной мѣрѣ уже будетъ имъ направляться, регулироваться, контролироваться. Но все это вмѣстѣ—объединеніе дѣятельности людей, ея регулированіе, контроль и т. под.,—все это и составляетъ процессъ ея организациі.

Итакъ, усложнившись съ развитіемъ соціального бытія людей, роль въ немъ познанія по существу не измѣнилась, и осталась организующей, какой она была съ самаго доисторическаго ея начала.

V.

Что касается искусства, то мѣсто, занимаемое имъ въ жизни людей, аналогично тому, какое занимаютъ въ ней рѣчь и познаніе, вмѣстѣ взятія. Искусство является и орудіемъ общенія людей, и средствомъ собиранія, систематизаціи ихъ опыта. Его происхожденіе теряется такъ же глубоко въ прошломъ человѣчества, и тамъ сливается съ происхожденіемъ остальной идеологии, всего же тѣснѣе связано съ первобытнымъ языкомъ и мимикой.

Поэзія еще на порогѣ историческихъ временъ не обособилась отъ познанія; религіозный мифъ и эпосъ представляли главную его форму; въ дѣлѣ воспитанія людей они были тѣмъ самымъ, чѣмъ является въ наше время наука и философія. Магабгарата у индусовъ, поэмы Гомера у грековъ, библія у евреевъ были энциклопедіями жизни; онѣ знакомили человѣка съ его народомъ, какъ-бы вводили его въ жизнь родного коллектива, рисуя ему и человѣческія отношенія, и явленія природы такъ, какъ ихъ пе-

реживало и понимало его общество. Когда Гезіодъ писалъ свои поэмы, изъ которыхъ одну—„Теогонію“—мы назвали бы учебникомъ міеологіи, а другую—„Труды и дни“—учебникомъ сельскохозяйственной техники, то онъ и здѣсь, и тамъ въ одинаковой мѣрѣ оставался вѣренъ задачѣ поэта, какъ она представлялась людямъ еще въ его эпоху.

Впослѣдствіи поэзія принуждена была большую часть своего познавательнаго значенія уступить наукѣ и философіи. Но все-же она въ значительной мѣрѣ продолжаетъ быть учительницей жизни, а особенно—воспитательницей чувства людей. Внося въ души различныхъ людей общность воспріятія жизни и общность настроенія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, она неизмѣнно выполняетъ свою организующую роль въ соціальной системѣ.

Танцы и музыка съ самаго начала были спеціально выраженіемъ чувства и настроенія, своеобразнымъ „языкомъ эмоций.“ Въ жизни сохранившихся до нашего времени племенъ родового и ранняго феодальнаго быта они играютъ еще очень значительную и вполне опредѣленную практическую роль. Передъ выступленіемъ на войну, на большую охоту, передъ племеннымъ собраніемъ для обсужденія важныхъ дѣлъ, передъ всякимъ крупнымъ общественнымъ предпріятіемъ они постоянно выступаютъ на сцену, при чемъ выполняются въ традиціонныхъ, вѣками сложившихся формахъ, какъ необходимыя священнодѣйствія. Характеръ ихъ, для каждаго рода случая особый, таковъ, что они должны создавать въ участникахъ единое, общее настроеніе, наиболѣе подходящее къ цѣлесообразному, дружному выполненію предпринимаемаго дѣла: военные танцы подражаютъ разнымъ перипетіямъ войны, воспроизводя ихъ въ идеализированномъ видѣ, а сопровождающая ихъ музыка бурная, боевая; „танцы совѣта“ и соотвѣтственная имъ музыка обыкновенно серьезные, плавные, важные, и т. д. Это—предварительная организація дѣйствующихъ силъ коллектива для намѣченной имъ работы.

Въ дальнѣйшемъ развитіи танцы утрачиваютъ эту прозрачную опредѣленность ихъ функціи, какъ и большую долю своего идеологическаго значенія. Мы ихъ знаемъ почти уже исключительно какъ „средства развлеченія“. Они, однако, вполнѣ сохранили свой открыто-соціальный характеръ. Создавая единство настроенія, они способствуютъ психическому сближенію людей, и

это ихъ свойство, сознательно или бессознательно, продолжаетъ эксплуатироваться, въ особенности для подготовки семейной связи между молодыми людьми брачнаго возраста. Даже въ пріятномъ возбужденіи, вызываемомъ танцами, существеннымъ моментомъ является социальное единеніе людей въ ихъ физической активности.¹⁾ Вообще, оставаясь однимъ изъ видовъ идеализированнаго языка эмоцій, танцы обладаютъ и организующей функціей, подобно языку, только, разумѣется, очень ослабленной количественно.

Въ гораздо большей степени то же самое относится къ искусству музыки. Ея родство съ танцами совершенно такое же, какъ родство рѣчи съ мимикой. Музыка представляетъ въ наше время сложный и высоко-развитый языкъ эмоціи, благодаря этому она удержала въ значительной мѣрѣ и непосредственно-организующую роль, очевидную для всякаго, въ формѣ, напр., трудовой пѣсни и марша. Цѣлый рядъ мифовъ о волшебной музыкѣ и пѣсняхъ, которымъ подчиняются силы стихій и людей, идеально выражаетъ это значеніе искусства гармоніи и мелодіи для борьбы съ природою, для побѣды надъ нею.²⁾ Не случайно нѣкоторые мыслители-идеалисты (особенно Шопенгауэръ) ставили музыку въ прямую связь съ міромъ „идей“, т. е. высшихъ организующихъ формъ бытія, по ихъ понятіямъ.³⁾ Отбросивъ метафизи-

1) Бюхеръ въ книгѣ „Работа и ритмъ“ (русск. изд. 1889, стр. 88) отмѣчаетъ, что уже грекамъ была хорошо извѣстна социализирующая сторона пѣнія и танцевъ. Онъ цитируетъ мнѣніе Платона о ритмѣ: посредствомъ удовольствія, связаннаго съ ритмомъ, боги возбудили въ людяхъ склонность къ движенію и пляскамъ, и посредствомъ пѣнія и танцевъ связали людей между собою.

Другое аналогичное мѣсто изъ Платона („Протагоръ“) — „Какъ ритмъ, такъ и гармонію заставляютъ усваивать мальчиковъ, чтобы они были болѣе кроткими и, научаясь соблюдать тактъ, были бы полезны какъ словомъ, такъ и дѣломъ, потому что жизнь людей нуждается въ гармоніи и согласіи.“

Военные успѣхи лакедемонянъ — говоритъ Бюхеръ — приписывались во многомъ дисциплинѣ, достигнутой юношествомъ вслѣдствіе упражненій въ пляскахъ.

2) Напомню только преданіе финскаго и эстонскаго эпоса о Вейнемейненѣ, творящемъ и строящемъ посредствомъ пѣсней, — греческій мифъ о музыкѣ, подъ звуки которой камни сами складывались въ городскія стѣны, — и еврейскій о разрушеніи стѣнъ звуками военной музыки.

3) Кантъ считалъ музыку безполезнымъ шумомъ: онъ, повидимому, просто не понималъ ея. Всякій незнакомый языкъ первоначально воспринимался людьми, какъ безполезный шумъ; уловить его организующую функцію можно лишь тогда, когда его понимаешь.

ческую оболочку и преувеличеніе, мы получимъ изъ этого то, что есть на самомъ дѣлѣ: музыка—одна изъ организующихъ формъ соціального бытія.

Скульптура, живопись, архитектура, дѣйствуя другими средствами, достигаютъ по существу тѣхъ же цѣлей, какъ поэзія съ одной стороны, музыка—съ другой. Художественные пластические образы, подобно понятіямъ, концентрируютъ, закрѣпляютъ человѣческій опытъ и передаютъ его коллективу. Миѳъ о божествѣ и его статуя, бытовой очеркъ и жанровая картина, живой разсказъ о минувшихъ побѣдахъ и колонны, арки, памятники, воздвигнутые по поводу ихъ—могутъ быть вполне параллельны по содержанію, различаясь лишь способомъ символизаціи. Мировые типы въ скульптурѣ и живописи, подобно мировымъ типамъ въ поэзіи, охватываютъ не меньшую сумму дѣйствительнаго и важнаго для жизни, чѣмъ высшія концепціи философіи, чѣмъ высшія обобщенія науки. Идеаль жизни полной и могучей, гармоничной и всепобѣждающей, выраженъ въ скульптурѣ античнаго міра, въ статуяхъ его боговъ, ярче и, быть можетъ, глубже, чѣмъ въ философіи „сверхчеловѣка“ у Ницше. Великія культурныя идеи всѣхъ нагляднѣе, всего цѣлостнѣе, всего убѣдительнѣе выступаютъ именно въ пластическихъ и живописныхъ образахъ.

Но тѣ же искусства не менѣе способны организовать коллективныя чувства и настроенія. Цѣлая область живописи—ландшафтъ—по содержанію вполне параллельна музыкѣ и лирической поэзіи. Архитектура же вообще можетъ разсматриваться, какъ языкъ длительныхъ и глубокихъ коллективныхъ настроеній по преимуществу. Развѣ архитектура гигантскихъ сооружений императорскаго Рима не есть сплошное каменное выраженіе національной гордости властителей міра? И развѣ готическій храмъ не представляетъ вѣковой каменный призывъ къ отрѣшенію отъ всего земнаго? Отсюда—огромное воспитательное значеніе архитектуры: она воплощаетъ, и закрѣпляетъ, и непрерывно передаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію преобладающія соціальныя эмоціи народовъ и классовъ; она организуетъ чувства потомковъ въ соответствии съ переживаньями ихъ предковъ,—больше всякаго другого искусства она—хранительница организующей традиціи.

Какъ видимъ, универсальный смыслъ искусства—его культур-

ная задача—тотъ же, какой составляетъ социальную душу познания и рѣчи: организація, сплоченіе коллективовъ различныхъ ступеней и типовъ путемъ объединенія человѣческихъ переживаній, путемъ оформленія опыта и чувства людей.

VI.

Обширнѣйшая въ наше время культурная область—міръ нормъ—имѣла своимъ зародышемъ стихійный обычай. Первоначально обычай являлся просто жизненной привычкой, выработанной въ борьбѣ людей за существованіе, и непрерывно сохранявшейся въ родовомъ обществѣ при помощи воспитанія и подражанія. Тогда онъ, охватывая всю жизнь людей, и былъ, собственно, не нормой, выраженной въ словахъ и понятіяхъ, указывающей, какъ, „должно“ дѣйствовать, жить, думать,—а непосредственнымъ фактомъ. Идея долженствованія—отличительный признакъ нормъ—не можетъ возникнуть, пока нѣтъ мысли о возможности уклоненія отъ привычнаго хода жизни. Когда же усложненіе трудового процесса и возрастающая измѣчивость человѣческой организаціи дѣлають подобныя уклоненія событіемъ не столь исключительнымъ и не столь непонятнымъ для коллектива, какъ было вначалѣ, тогда и борьба противъ нихъ со стороны коллектива систематизируется посредствомъ нормы. Схемы—„не должно поступать такъ-то“ и „должно дѣйствовать такъ-то“—выражаютъ сложившееся направленіе социальной активности, и передаваясь отъ человѣка къ человѣку, отъ отцовъ къ дѣтямъ, въ дальнѣйшемъ регулируютъ эту активность, управляютъ ею, организуютъ ее въ данномъ направленіи. Напр. „не должно покидать родичей во время битвы съ врагомъ; поступающаго же такимъ образомъ слѣдуетъ изгнать изъ общины“,—эта норма сразу объединяетъ всю общину въ ея воздѣйствіи на человѣка, обнаружившаго недостатокъ необходимой храбрости,—и обычай организуетъ тогда коллективный актъ устраненія негоднаго члена, какъ слѣлалъ бы это въ послѣдствіи властный организаторъ своимъ распоряженіемъ.

Впослѣдствіи хранителемъ и истолкователемъ обычая становится именно такой организаторъ—патріархъ родовой группы, а еще

позже—феодалный властитель или жрецъ. Тогда обычай принимаетъ ту форму, которую социологи называютъ „обычнымъ правомъ“. Обычай, имѣющій своимъ органомъ власть, которая правитъ обществомъ. Это, однако, отнюдь не означаетъ полного отказа со стороны самого общества въ его цѣломъ отъ непосредственной защиты обычая, отъ непосредственнаго воздѣйствія на его нарушителей; но защита практическая, боевая, напр., физическое наказаніе преступника, организуется обязательно властью; а для коллектива самого по себѣ остаются иные способы воздѣйствія, словесно-идейные, т.-е. общественное порицаніе, негодованіе, презрѣніе и т. под.,—то, что мы называемъ „нравственнымъ“ вліяніемъ. Такъ начинала изъ обычая дифференцироваться нравственность; но вполнѣ обособилась она лишь на слѣдующихъ ступеняхъ развитія, въ обществѣ мѣновомъ.

Неорганизованность мѣновой соціальной системы, ея постоянно умножающіяся противорѣчія, порождали усиленную потребность въ нормахъ, регулирующихъ эти противорѣчія, организующихъ взаимныя отношенія людей. Обычай, съ его медленнымъ развитіемъ и крайнимъ консерватизмомъ, не могъ удовлетворить такой потребности при чрезвычайно, по сравненію съ прежнимъ, ускоренномъ движеніи общественной жизни. Возникаетъ новый типъ нормъ—правовыя; онѣ отличаются тѣмъ, что не только приводятся въ исполненіе черезъ особые общественные органы—разнаго рода власти,—но также и планомѣрно создаются при посредствѣ такихъ органовъ, систематически вырабатываются ими для общества: законы, указы, административныя правила и т. д.

Въ то же время окончательно выдѣляется область нравственныхъ нормъ. Общество мѣновое лишено сплоченности древнихъ коллективовъ, индивидуалистически раздроблено на независимыя хозяйства; и все же оно въ его цѣломъ, или его отдѣльные классы продолжаютъ сохранять и защищать силою коллективнаго мнѣнія нѣкоторыя общія формы взаимоотношеній, особенно устойчивыя, которыя они лишь со стихійной медленностью, незамѣтно для себя самого, измѣняютъ или замѣщаютъ новыми. Носителемъ этихъ нормъ является по-прежнему коллективъ: а онъ при формальной раздробленности общества недоступенъ сознанію индивидуума, который среди всеобщей борьбы и противорѣчій видитъ всюду лишь отдѣльныя хозяйства и отдѣльные личные интересы; благодаря

этому нравственная норма не может быть отнесена людьми прямо къ тому коллективу, жизнь котораго она организуетъ. Но она не можетъ также быть отнесена и къ обособленной личности, потому что личность принуждена ей подчиняться или страдать отъ ея нарушенія, и зачастую находить прямое противорѣчіе между этой нормою и своими ясно сознанными интересами. Въ результатъ—норма представляется людямъ, какъ вѣшняя сила, тяготящая надъ ними и отъ нихъ совершенно независимая. Отраженіе нормы въ индивидуумѣ — „голосъ совѣсти“ — разсматривается какъ внушеніе со стороны этой вѣшной силы, руководящей человекомъ. Такова нравственность; ея практически-организующая отношенія людей функція познается фетишистически, и это маскируетъ ея истинную „культурную задачу“.

Тотъ же фетишизмъ, впрочемъ, свойственъ и правовымъ нормамъ;—при этомъ болѣе мелкимъ и частнымъ изъ нихъ, открыто для всѣхъ создаваемымъ спеціальными органами, онъ, естественно, присущъ въ гораздо меньшей степени,—общимъ же основамъ права—въ гораздо большей, приблизительно такой, какъ нравственнымъ принципамъ. И источникъ его тотъ же самый: эти основы стихійно и безсознательно вырабатываются коллективомъ обще-соціальнымъ или классовымъ, недоступнымъ мышленію личности,—а частныя правовыя нормы подчиняются общимъ, какъ организующимъ жизнь коллектива во всей ея широтѣ.

Наименьшимъ объективнымъ значеніемъ обладаютъ нормы приличія, вѣжливости, моды и т. п. Это — своего рода мелкая нравственность вѣшныхъ манеръ и наружности людей; она и фетишистична, какъ настоящая нравственность, и такъ же стихійно охраняется коллективомъ, классовымъ или групповымъ, посредствомъ его общественнаго мнѣнія. Назначеніе подобныхъ нормъ состоитъ въ томъ, чтобы организовать обыденное общеніе людей съ наименьшими треніями, съ наименьшими противорѣчіями—вещь особенно важная въ эпоху крайняго разнообразія спеціальностей, интересовъ и наклонностей. Условныя манеры и условная вѣшность, объединяя разнородные въ другихъ отношеніяхъ элементы, создаютъ нѣкоторое предварительное настроеніе для ихъ взаимнаго вниманія и взаимнаго пониманія.

Вся нормативная область культуры отличается, какъ видимъ, особенной ясностью и несомнѣнностью своего объективнаго со-

ціального значенія. Саме понятіє „норми“ говорить о регулюванні, т. е. організуючій діяльності. Нькотре затемненіє вноситься тільки фетишизмомъ нормъ; однакo и онъ маскуєть главнымъ образомъ ихъ происхожденіє, а не ихъ жизненную роль.

VII.

Противъ изложеннаго здѣсь—по необходимости сжато—пониженія духовной культуры возможны два основныя возраженія. Первое состоитъ въ томъ, что нельзя культурныя формы разсматривать всецѣло какъ организующія соціальную жизнь, потому что на практикѣ онѣ обнаруживаютъ нерѣдко и прямо противоположную функцію—дезорганизующую. Сущность второго возраженія та, что духовная культура, во всякомъ случаѣ, не только организуетъ жизнь людей, что ея значеніє шире—она также украшаетъ жизнь. Оба возраженія имѣютъ за собою извѣстную сумму фактовъ, но основаны на недостаточномъ ихъ анализѣ.

Совершенно безспорно, что, напр., капиталистическая городская культура разлагаєть старую семью, дезорганизуетъ старыя корпораціи цеховаго типа, разрываетъ многія, прежде весьма прочныя связи между соціальными группами. Не менѣе безспорно и то, что, напр., католицизмъ—крупнѣйшее культурное явленіє—былъ въ эпоху своего упадка величайшей разрушительной силой въ жизни общества, и въ нѣкоторыхъ странахъ глубоко дезорганизовалъ производительныя силы. Но какимъ образомъ и могли бы новыя культурныя формы организовать общество, не различая старыхъ формъ, въ которыхъ оно было организовано? И какимъ образомъ старыя, отживающія культурныя формы могутъ сохранять и поддерживать свою организующую роль, какъ не разрушая и не дезорганизуя развивающіяся новыя формы жизни? Это—элементарная логика жизни. Если „разумное стало нелѣпымъ, и благо во зло обратилось“, т. е. организація перешла въ дезорганизацію, то повяť происхожденіє и смыслъ обѣихъ стадій явленія можно только исходя изъ ея первоначальной, положительной функціи, потому что только благодаря ей оно

вообще могло развиваться. Так и въ биологии объяснить генезисъ какого-нибудь ненужнаго или даже вреднаго организму „рудинментарнаго“ органа, атавистическаго инстинкта удастся только тогда, когда найдено его прежнее, полезное значеніе въ борьбѣ за жизнь.

Другая точка зрѣнія: духовная культура украшаетъ и возвышаетъ жизнь,—отнюдь сама по себѣ не противорѣчитъ дѣйствительности, но также и не объясняетъ ея. Безспорно, все, что вносить въ социальную жизнь гармонию, стройность, что связываетъ разрозненные элементы — все это также ее украшаетъ и возвышаетъ. Но развитіе духовной культуры—процессъ тяжелый и длительный, глубоко преобразующій человеческое существованіе—можетъ опредѣляться лишь объективными условіями жизненно-важнаго характера. Слѣдовательно, изъ „украшеній“ жизни сохраняются и развиваются тѣ, которыя укрѣпляютъ ее и усиливаютъ въ какихъ-либо отношеніяхъ; а она укрѣпляется и усиливается тогда, когда ея элементы организуются шире и прочнѣе *).

Не такъ давно однимъ или двумя критиками противъ всего защищаемаго мною міропониманія былъ выдвинутъ упрекъ въ односторонности, а именно въ пристрастіи къ „организациі“: у Богданова—говорятъ эти критики,—вѣчно кто-то что-то организуетъ, или что-нибудь организуется. И дѣйствительно, сущность эмпириомонизма состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать всѣ явленія міра, какъ процессы организациі — дезорганизациі. У насъ здѣсь нѣтъ мѣста для выясненія того, одностороння ли эта точка зрѣнія, или напротивъ, эклектично и дуалистично ея отрицаніе. Но по отношенію ко всей области жизни ея законность и обязательность безспорна—на ней основана и вся современная биологическая теорія развитія, и социальна-научная. Поэтому безспорна также ея примѣнимость къ явленіямъ „духовно-культурной“, идеологической жизни.

*) Не случайно греческій языкъ—языкъ великой философіи—обозначаетъ понятія „украшать“ и „организовать“ однимъ и тѣмъ же словомъ *Κοσμεῖν*. Украшающее творчество, конечно, не создаетъ новыхъ элементовъ бытія, а лишь гармонически, стройно группируетъ уже ранѣе данныя элементы. И „красивое“ художественное произведеніе, по существу, есть организованное сочетаніе образовъ, притомъ являющееся такимъ не для одного человѣка, а для нѣкоторой коллективности.

VIII.

Мы знаемъ, что современное общество заключаетъ въ себѣ историческія наслоенія трехъ классовыхъ типовъ: отживающіе классы феодальныя; преобладающіе—почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ—классы буржуазныя; наконецъ, растущій въ непрерывной борьбѣ съ тѣми и другими рабочій пролетаріатъ. Далѣе, намъ извѣстно, что въ классовомъ обществѣ вопросы культурнаго прогресса не могутъ ставиться съ точки зрѣнія соціальной системы въ цѣломъ, потому что у нея нѣтъ культурнаго единства, потому что тенденціи культурнаго развитія для различныхъ ея классовъ несходны и противорѣчивы; а слѣдовательно, вопросы эти должны рѣшаться именно по отношенію къ соціальнымъ классамъ, какъ отдѣльнымъ жизненнымъ единствамъ. Теперь же мы раскрыли практическую сущность духовной культуры, какъ системы соціально-организующихъ формъ; въ этомъ, очевидно, лежитъ и объясненіе различія культурно-классовыхъ тенденцій: естественно и понятно, что коллективы, различные по всей совокупности условій своего существованія, равно какъ и по своимъ интересамъ, по своимъ стремленіямъ, нуждаются для своей организаціи въ несходныхъ формахъ культуры. Попробуйте, напр., представить себѣ пролетаріатъ машиннаго производства организованнымъ на основѣ наивно-религіознаго міровоззрѣнія старыхъ феодальныхъ формаций, или на основѣ буржуазной доктрины о свободной конкуренціи личностей: объединеніе было бы никуда негоднымъ, потому что его связующая форма непрерывно подрывалась бы и разрушалась въ первомъ случаѣ влияніемъ научной техники ежедневнаго труда, во второмъ случаѣ — потребностями ежедневной экономической борьбы. Не всегда, конечно, соотношеніе культурной формы съ практическимъ содержаніемъ такъ просто и ясно, какъ въ этомъ примѣрѣ, — но при достаточномъ анализѣ оно всегда можетъ быть обнаружено, какъ реальное соотвѣтствіе или противорѣчіе.

Намъ надо изслѣдовать культурныя задачи нашего времени. Должны ли мы для этого становиться на точку зрѣнія поочередно каждаго изъ существующихъ классовъ, считая, что у каждаго изъ нихъ есть особыя такія задачи? Или онѣ на дѣлѣ концентрируются въ одномъ какомъ нибудь классѣ? Первая постановка вопроса

сначала кажется наиболее логичной и объективной. Но необходима ли она, со всей ея сложностью?

Безспорно, что и классы отживающіе, каковы теперь остатки феодальной аристократіи, а также феодальнаго крестьянства, отчасти мелких ремесленниковъ, живутъ своею особою культурной жизнью, разрывая въ этой области, сознательно или нѣтъ, свои отдѣльныя задачи, организуясь для своей социальной борьбы. Но самая эта борьба реакціонна; смыслъ ея состоитъ въ томъ, чтобы удержать и по возможности даже вернуть социальное прошлое, противодействуя укрѣпленію тѣхъ общественныхъ силъ и формъ, которымъ принадлежитъ настоящее, и, разумѣется, еще болѣе тѣхъ, за которыми будущее. Возстановленіе древляго благочестія и вѣры въ авторитеты, обузданіе дерзкой мысли, реставрація абсолютизма и т. под.,—таковы культурныя цѣли реакціонныхъ классовъ. Но будетъ ли правильно назвать ихъ задачами нашей эпохи? Очевидно, нѣтъ. Онѣ противоположны всему историческому развитію нашего времени.

Хорошо,—скажетъ читатель,—я согласенъ, что культурныя, или, пожалуй, анти-культурныя поползновенія отживающихъ элементовъ не входятъ въ нашъ сюжетъ. Но тогда надо признать, что задачи нашей эпохи — это задачи господствующихъ теперь классовъ, т.-е., говоря вообще, капиталистической буржуазіи; ибо она больше, чѣмъ кто-либо, представляетъ собою настоящее.

Такъ ли это? Въ историческомъ процессѣ настоящее, взятое не какъ моментъ, а какъ система преобладающихъ силъ и формъ, имѣетъ всегда двѣ стороны: одна обращена противъ остатковъ прошлаго, другая—противъ зародышей будущаго. Таковы и культурныя тенденціи господствующихъ классовъ. Они должны организоваться, съ одной стороны, для того, чтобы подавлять и разрушать враждебные имъ пережитки прошлаго, съ другой стороны—чтобы отстаивать себя въ столкновеніяхъ съ растущими элементами будущаго, поскольку эти послѣдніе въ свою очередь стремятся къ господству. Изъ двухъ линій борьбы первая прогрессивна, скорѣе, однако, въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ значеніи слова,—она сводится къ устраненію препятствій на пути развитія. На такой основѣ не можетъ уже возникнуть новыхъ культурныхъ задачъ широкаго обще-соціального масштаба: главныя побѣды буржуазной культуры надъ феодальною одержаны,

ихъ историческій конфликтъ разрѣшенъ въ его цѣломъ, остаются частности,—да и по отношенію къ нимъ исходъ спора заранее не допускаетъ сомнѣній. Борьба противъ клерикализма, противъ юнкерства, въ отсталыхъ странахъ—также и противъ абсолютизма—для всего этого давно выработаны идеологическія формы, новыхъ принциповъ духовной культуры все это дать не можетъ.

Другая линія борьбы, по мѣрѣ развитія новой соціальной силы, угрожающей буржуазному строю, все болѣе превращается изъ консервативной въ рѣзко реакціонную. Здѣсь буржуазія либо только отстаиваетъ свои сложившіеся культурные принципы, либо даже старается поддержать ихъ противоестественнымъ союзомъ съ принципами отжившей феодальной культуры, напр., беретъ себѣ на службу клерикализмъ и, будучи по существу безрелигіозна, употребляетъ всѣ усилія для пробужденія и сохраненія благочестивыхъ чувствъ и мыслей среди рабочей массы. Ясно, что по этой линіи нельзя прійти къ великимъ культурно-историческимъ задачамъ эпохи, разрѣшеніе которыхъ означаетъ завоеваніе будущаго.

IX.

Читатель, можетъ быть, поставить еще вопросъ о тѣхъ промежуточныхъ слояхъ современнаго общества, которые у насъ обозначаются неопредѣленнымъ терминомъ „интеллигенція“, и охватываютъ съ одной стороны представителей формально-независимыхъ „либеральныхъ профессій“ (врачи, адвокаты, литераторы), съ другой стороны наемный научно-техническій и просто „образованный“ служащій персоналъ предпріятій промышленныхъ, государственныхъ, академическихъ, журнальныхъ и т. под. (инженеры, бухгалтеры, директора, профессора, чиновники, газетные репортеры и т. д.). Въ самомъ дѣлѣ, представители именно этихъ группъ очень часто выражаютъ отъ ихъ имени притязанія быть по преимуществу творцами и носителями культуры, притомъ не какойнибудь классовой, а стоящей надъ классами, общесоціальной.

Но какъ разъ эти притязанія легко обнаруживаютъ ту культурную несамостоятельность „интеллигентскихъ“ слоевъ, которая

неизбѣжно вытекаетъ изъ ихъ экономической неопредѣленности. Если сущность духовной культуры состоитъ въ организаціи социальныхъ силъ, и если современное общество характеризуется группировкою этихъ силъ въ борющіеся классы, то что же означаетъ „виѣ-классовое творчество“ интеллигенціи? Очевидно, только то, что она неспособна создать свою особенную классовую организацію, неспособна противопоставить ее другимъ, какъ независимый коллективъ съ опредѣленными интересами и стремленіями.

Да и можетъ ли быть иначе? Посмотрите, какова роль интеллигенціи въ системѣ общественнаго труда и распредѣленія. Верхніе слои, которые такъ и называются у насъ „буржуазной интеллигенціей“, живутъ почти всецѣло въ сферѣ буржуазно-классовыхъ отношеній, тѣсно связанные съ буржуазіей нитями практическихъ выгодъ. Типъ работы у нихъ индивидуалистическій; положеніе въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ они служатъ, организаторское, властное; доходы не имѣютъ ничего общаго съ пролетарской заработной платой, и очень часто допускаютъ даже накопленіе капитала. Къ этому обыкновенно присоединяется и буржуазное происхожденіе, и постоянное общеніе съ буржуазіей: интеллигентскіе верхи допускаются въ такъ называемое „общество“. Какія тутъ возможны самостоятельныя социальные задачи? Откуда возьмется потребность въ независимой, обособленной классовой организаціи?

Нижніе слои интеллигенціи сначала составляютъ часть мелкой буржуазіи, постепенно подавляемой и вытѣсняемой крупнымъ капиталомъ. Къ ней они принадлежатъ, обычно, и по своему происхожденію, и по типу хозяйства: мелкое, индивидуальное предпріятіе, обладающее формальной самостоятельностью, но все болѣе экономически-подчиняющееся торговому капиталу, переходящее въ „домашнюю капиталистическую промышленность“; тотъ же, приблизительно, и уровень жизни: ихъ заработокъ рѣдко выходитъ за предѣлы насущныхъ потребностей, и мало-по-малу урѣзывается еще ниже ихъ эксплуатаціей со стороны того же торговаго капитала. Чѣмъ, напр., экономически отличается кустарь-литераторъ, работающій на издателя, который закабальетъ его авансами, и предъявляетъ ему руководящія требованія о томъ, что ему писать, отъ кустика-слесаря или ткача, работающаго на

скупщика, который закабаляет его выданнымъ въ долгъ матеріаломъ для работы, деньгами на пропитаніе, и предписываетъ ему, какого качества и въ какомъ количествѣ долженъ быть его продуктъ? Естественно, что на этой стадіи интеллигентскіе низы живутъ мелко-буржуазной культурной жизнью, поставляютъ идеологовъ этому классу, обреченному на медленную, но неизбежную гибель.

Съ теченіемъ времени все болѣе значительная часть мелкой интеллигенціи занимаетъ положеніе наемнаго интеллигентнаго пролетаріата въ капиталистически-организованныхъ предпріятіяхъ — конторщики, младшіе техники, желѣзно-дорожные, почтовые „служащіе“ и т. д.; другая же часть попадаетъ въ болѣе явную, чѣмъ прежде, зависимость отъ низшихъ формъ капитала — торговаго и ростовщическаго. Тогда начинается проявляться среди мелкой интеллигенціи тяготѣніе въ сторону рабочаго класса, распространеніе социализма, большей частью, впрочемъ, умѣреннаго и съ сильной индивидуалистическою окраской. Элементы болѣе рѣшительные вступаютъ прямо въ рабочія организациі, проникаются пролетарскими тенденціями, принимаютъ участіе въ работѣ надъ сплоченіемъ этого класса, надъ развитіемъ его самосознанія, т. е. его культуры.

Какъ видимъ, промежуточные интеллигентскія группы общества идеологически работаютъ не на себя, а на другихъ, и значитъ, никакъ не могутъ явиться опредѣляющей силою для культурныхъ задачъ эпохи ¹⁾.

Путемъ исключенія, мы приходимъ къ выводу, что дѣйстви-

¹⁾ Разумѣется, интеллигенція создаетъ и свои собственныя организациі — политическія, идейныя, артистическія и т. п. Такъ, чисто интеллигентской была во Франціи 40-хъ годовъ либеральная фракція „National“; въ современной Франціи, псевдому, такова „радикально-соціалистическая“; у насъ въ Россіи „народоправцы“ 90-хъ годовъ и „освобожденцы“ 900-хъ; организаций же собственно „культурныхъ“ подобнаго происхожденія очень много. Въ ходѣ борьбы реальныхъ классовыхъ силъ, при ихъ приблизительномъ равновѣсіи, промежуточные группы и ихъ организациі временно получаютъ даже значительное вліяніе. Но все это — явленія преходящія; а главное, и тогда культурныя тенденціи данныхъ группъ остаются промежуточными, компромиссными, отнюдь не самостоятельно опредѣляющими, а лишь косвенно и неполно выражающими культурныя задачи эпохи, въ ихъ обще-соціальномъ смыслѣ и масштабѣ.

тельныхъ культурныхъ задачъ настоящаго надо искать въ жизненныхъ потребностяхъ того класса, побѣда котораго предстоитъ въ будущемъ,—того класса, который среди современнаго общества наиболѣе прогрессивенъ, и безусловно прогрессивенъ въ своихъ тенденціяхъ. Оказалось, что дѣло идетъ о принципахъ развитія пролетарской культуры.

Х.

Та постановка вопроса, которая у насъ получилась, вызываетъ противъ себя съ разныхъ сторонъ множество возраженій; инныя изъ нихъ по вѣншности очень убѣдительны, и мы не можемъ обойти ихъ безъ вниманія.

Нѣкоторымъ кажется несообразностью самая идея пролетарской культуры. Первымъ, необходимымъ условіемъ серьезнаго культурнаго творчества является, — говорятъ они, — досугъ; вторымъ—достатокъ. Поглощающій силы и время физическій трудъ, нужда и матеріальныя заботы исключаютъ возможность такого творчества. Кто создалъ культуру античнаго міра,—рабы или господа? А средневѣковую—крестьяне или духовенство и феодалы? И развѣ нынѣшній пролетарій находится въ такомъ положеніи, которое позволяло бы мечтать о самостоятельной культурѣ?—Сторонники этого взгляда, въ большинствѣ своемъ—враги современнаго рабочаго движенія, обыкновенно не забываютъ указать, что ученія социализма, которыми увлекаются теперь активные пролетаріи, формулированы людьми изъ другихъ классовъ, интеллигентами и дѣтьми буржуазіи, какъ Марксъ, Лассаль, Энгельсъ; выводъ, конечно, тотъ, что социализмъ—не что иное какъ интеллигентскія выдумки, которымъ рабочіе совершенно напрасно вѣрятъ.

Подобные взгляды—какъ ни странно — находятъ нѣкоторый откликъ и среди людей, сочувствующихъ рабочему классу, отчасти даже тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ его организаціяхъ. Высказываютъ мнѣніе, что пролетаріатъ въ нынѣшнемъ обществѣ не долженъ ставить себѣ особенныхъ, своихъ общекультурныхъ задачъ: это только отвлечетъ его силы и вниманіе отъ наиболѣе

насушного дѣла. Ему надо какъ можно энергичнѣе бороться и какъ можно скорѣе побѣдить; слѣдовательно, требуется ясная политическая и экономическая доктрина, твердо установленная, прямо бьющая въ цѣль, способная сплотить вокругъ себя рабочія массы. Такая доктрина имѣется въ видѣ марксизма; остается только разрабатывать ее и примѣнять къ измѣняющимся условіямъ борьбы. Всякое усложненіе задачи только затрудняетъ дѣло, и даже подвергаетъ его опасности: оно угрожаетъ уклоненіемъ въ сторону критики самыхъ основъ марксистской теоріи, ея подрывомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подрывомъ столь важнаго для практики теоретическаго единства рабочаго движенія.

Но другія области культурнаго развитія? Развѣ не нужна борьба, напр., съ тѣми религіозными и метафизическими идеями, которыя стараются въ своихъ интересахъ привить пролетаріату господствующіе классы? Разумѣется, нужна,—отвѣчаютъ сторонники взглядовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Поэтому, какъ завершеніе теоретическаго зданія марксизма, необходима и философія, которая охраняла бы пролетаріатъ отъ всякой мистики, отъ всякаго идеализма. И опять-таки, философія эта имѣется,—это діалектическій матеріализмъ; остается только примѣнять ее и популяризировать, но тщательно охраняя отъ попытокъ такого ея развитія, которое могло бы повлечь за собою критику самыхъ ея основъ. Иначе враги рабочаго класса воспользуются ослабленіемъ его идейной брони, и незамѣтно проведутъ въ его среду свои, вредныя для него философскія, а за ними также соціальныя и политическія воззрѣнія.

Не можетъ ли пролетаріатъ въ своей духовной жизни вполне и всецѣло удовлетворяться тѣми немногими и охватывающими все-же лишь ограниченную область элементами культуры, которые успѣли выработать творцы научнаго социализма? На это дается такой отвѣтъ: пролетаріату и нѣтъ необходимости создавать въ другихъ областяхъ новое культурное содержаніе. Науки, напр., за исключеніемъ соціальныхъ, вовсе не имѣютъ классового характера, онѣ—общечеловѣческое достояніе, хотя и разрабатывались до сихъ поръ представителями господствующихъ классовъ. Также найдется немало общечеловѣческаго и въ искусствѣ, даже въ этической жизни. Все это вполне сохраняетъ свое значеніе для пролетаріата, ибо представляетъ объективныя, навсегда обя-

зательныя истины познанія, эстетики, морали. Все это, значить, и надо только усваивать, старательно заботясь, конечно, чтобы вмѣстѣ съ объективными и вѣчными истинами не проскользнули какъ нибудь буржуазно-классовыя тенденціи, — отдѣляя пшеницу отъ плевеловъ при помощи твердо воспринятой теоріи марксизма, экономической, политической и философской.

Такого рода взгляды съ наибольшей рѣшительностью и откровенностью формулированы именно въ русской литературѣ, хотя аналогичныя тенденціи, въ смягченномъ видѣ, можно найти и въ литературѣ нѣмецкаго, а тѣмъ болѣе — французскаго марксизма. Существенная ихъ черта заключается, очевидно, въ весьма низкой оцѣнкѣ культурно-творческихъ способностей рабочаго класса. Отсюда вытекаетъ и крайній теоретическій консерватизмъ; а въ качествѣ философскаго оправданія для него выдвигается признаніе абсолютныхъ и вѣчныхъ истинъ, которыя могутъ быть добыты мыслителями того или другого класса, но разъ уже добыты — не могутъ подвергаться критикѣ по существу, а развѣ только „подтверждаться и дополняться“ дальнѣйшими изслѣдованіями, по выраженію одного изъ самыхъ видныхъ представителей этого направленія въ Россіи ¹⁾.

Легко видѣть коренное психологическое противорѣчіе, которое скрывается за подобными взглядами: нельзя быть надежными идеологами рабочаго класса людямъ, которые проникнуты такимъ глубокимъ недоувѣріемъ къ его творческимъ силамъ. На этой основѣ возникло и забавное теоретическое противорѣчіе: абсолютной и вѣчной истиной объявляютъ марксизмъ, ученіе, радикально отрицающее всякія абсолютныя и вѣчныя истины. Но намъ не приходится заниматься здѣсь формально-критическимъ разборомъ данныхъ воззрѣній, имѣющихъ явно неустойчивый и переходный характеръ. Да это и не нужно: всякій, слѣдившій за литературой русскаго марксизма, знаетъ, какія жестокія пораженія были нанесены критикою справа и слѣва ихъ представителямъ, особенно Плеханову и В. Ильину, за послѣднее время.

Намъ надо выяснитъ иное: насколько объективно вѣрна та общая предпосылка, которая рѣзко выступаетъ у завѣдомо враждебныхъ рабочему классу противниковъ идеи пролетарской культуры, а въ смягченной формѣ — у нашихъ оскорбительно-заботли-

¹⁾ Бельтовъ, „Къ развитію монистическаго взгляда на исторію“.

выхъ друзей рабочаго класса. Эта общая предпосылка—мысль о культурной слабости пролетаріата среди современнаго общества, о его неспособности стать вполне самостоятельнымъ въ этомъ отношеніи. Одни предлагают опеку со стороны обладающихъ досугомъ и достаткомъ высшихъ классовъ, другіе—со стороны свято и строго охраняющихъ абсолютную истину теоретиковъ,—различна лишь степень и форма приложенія тенденціи, которая по существу въ обоихъ случаяхъ одна и та же.

XI.

Когда современный интеллигентъ или вообще человѣкъ, принадлежащій къ такъ называемому „обществу“, говоритъ о культурной жизни, то какіе образы проходятъ въ его сознаніи, конкретизируя для него это широкое понятіе? Конечно, тѣ, въ которыхъ оно чаще всего воплощается въ его обыденной жизни: печатныя книги, газеты, музеи съ картинами, судебныя учрежденія, парламентскія рѣчи, корректныя манеры, крахмальные воротнички, и т. д. Несомнѣнно, что для написанія книгъ, для изученія музеевъ, для произнесенія парламентскихъ рѣчей требуется индивидуальный досугъ, а покупка книгъ и крахмальныхъ воротничковъ предполагаетъ также индивидуальный достатокъ. Кромѣ того, большинству людей свойственно считать себя и себя близкихъ, и вообще свое ограниченное „общество“ за истинную соль земли, за творцовъ или, по крайней мѣрѣ, носителей и хранителей лучшей и подлинной культуры. Вотъ объективныя основы той теоріи, которая полагаетъ, что пролетаріатъ можетъ и долженъ получать культурное воспитаніе со стороны общества, но отнюдь не способенъ создавать свою собственную культуру.

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза чисто индивидуалистическое пониманіе творчества. Кто творецъ книги, картины, зданія, закона? Конечно, писатель, живописецъ, архитекторъ, государственный человѣкъ; кто же еще? Если бы вмѣсто этого писателя былъ другой, и вмѣсто законодателя тоже, — то была бы написана другая книга, напр., реалистическая вмѣсто идеалистической, и были бы изданы другіе законы, положимъ,

прогрессивные вмѣсто реакціонныхъ; и жизнь пошла бы иначе. Если бы у Маркса и Энгельса не оказалось свободнаго времени и необходимыхъ средствъ,—утопическій социализмъ и теперь продолжалъ бы господствовать среди передовыхъ рабочихъ, находя соперника только въ чистомъ трэдъ-юніонизмѣ, и т. д. Эта чрезвычайно старая концепція беретъ факты прямо съ ихъ поверхности, и замѣчательнымъ образомъ совмѣщаетъ самый грубый „экономическій“ — можно сказать, финансовый матеріализмъ съ самымъ наивнымъ социальнымъ идеализмомъ: базисомъ культуры для нея является индивидуальная зажиточность, а направление развитія сводится къ индивидуально-творческому произволу.

Наша теорія позволяетъ сразу дать двустороннюю оцѣнку такихъ взглядовъ—и ту долю практической истины, которая скрывается въ „ихъ здоровомъ смыслѣ“, и ту долю заблужденія, отъ которой зависитъ ихъ столь явная въ наше время реакціонность. Возьмемъ для иллюстраціи какуюнибудь книгу, и поставимъ вопросъ—почему и въ какой мѣрѣ она получаетъ культурное значеніе?

Отвѣтъ, согласно нашей теоріи, на первый вопросъ таковъ: потому, что она организуетъ общія переживанія нѣкоторой коллективности, тѣмъ самымъ организуя и эту коллективность; на второй вопросъ: въ такой мѣрѣ, въ какой она выполняетъ эту организующую функцію. Схема одинаково примѣнима и къ „Капиталу“ Маркса, и къ брошюрѣ курскаго помѣщика о необходимости приведенія китайцевъ въ рабство, при чемъ позволяетъ легко сравнить также степень объективнаго значенія этихъ двухъ продуктовъ творчества. „Капиталъ“ организуетъ жизненный матеріалъ милліоновъ людей, взятый на протяженіи цѣлой экономической формации, стройно связывая вмѣстѣ съ тѣмъ самые насущные интересы и заветныя стремленія этихъ милліоновъ людей въ живую систему; а трудъ о „необходимости китаевладѣнія“ организуетъ лишь мечты и сожалѣнія о крѣпостномъ прошломъ, да безсильныя хищническія поползновенія нѣсколькихъ тысячъ „дикихъ помѣщиковъ“, допотопныхъ экономическихъ чудовищъ, сохранившихся въ гигантской бѣловѣжской пущѣ—реакціонной Россіи. Коллективъ, для сплоченія котораго служитъ „Капиталъ“, растетъ и развивается во всемъ мірѣ; вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ и культурное значеніе „Капитала“, пока его идеи

способны на дѣлѣ служить организующею формой для дѣятельности этого коллектива; группа социальных реликвий, которая можетъ организоваться вокругъ лозунга „китаевладѣнія“, волею судьбы продолжаетъ таять и вымирать, а ея литература тѣмъ самымъ все болѣе сводится по своей культурной цѣнности къ бесплодно загрязненной бумагѣ. Тотъ же способъ пониманія и оцѣнки можетъ быть примѣненъ рѣшительно ко всякому литературному, художественному, философскому произведенію, ко всякой нормѣ обычая, права, морали,—ко всякой формѣ воплощенія культурнаго творчества, индивидуальнаго или массоваго, сознательнаго или стихійнаго.

Я не хотѣлъ бы внушить читателю той мысли, что предлагаемый методъ легокъ, что имъ можно пользоваться, такъ сказать, автоматически. Совершенно напротивъ. Когда, напр., на немъ будетъ основана литературная критика, — что неизбежно случится черезъ нѣкоторое время,—тогда задача критиковъ-публицистовъ станетъ, вѣроятно, сама по себѣ труднѣе, чѣмъ теперь; только ихъ читатели будутъ получать болѣе полное и ясное пониманіе жизненнаго смысла разбираемыхъ произведеній; а кромѣ того станутъ разрѣшимы нѣкоторые загадки относительно причинъ измѣняющагося успѣха и распространенія различныхъ книгъ, относительно ихъ вліянія на умы, порою очень неожиданнаго для самихъ „творцовъ“, и т. под.

Такъ, для критики беллетристическаго произведенія, положимъ, бытоваго романа, съ этой точки зрѣнія, требуется двойной социальный анализъ. Съ одной стороны, надо изслѣдовать содержаніе, которое организуется въ романѣ, т.-е. социальную среду, которая въ немъ изображается; съ другой стороны, способъ организаціи этого содержанія, т.-е. взгляды автора на изображаемое, цѣль, которая сознательно или бессознательно господствуетъ въ его работѣ, приемы, которыми онъ ее осуществляетъ, при чемъ все это должно быть объяснено путемъ изслѣдованія социально-классовой позиціи автора, тѣхъ общественныхъ вліяній, которые скрещиваются въ его личности. Въ результатъ всего анализа можетъ оказаться, что книга консервативнаго по своимъ тенденціямъ автора способна послужить идейному развитію прогрессивныхъ теченій, работа исходящая изъ архи-умѣренныхъ за-

мысловъ—стать орудіемъ революціонныхъ силъ. Сочиненія Глѣба Успенскаго и нѣкоторыхъ другихъ народниковъ принесли много пользы дѣлу русскаго марксизма, потому что несмотря на интеллигентскій или мелко-буржуазный способъ пониманія, т.-е. организации собраннаго у нихъ матеріала, самый этотъ матеріалъ, богатый и яркій, чрезвычайно легко могъ быть сгруппированъ и освѣщенъ иначе, по-марксистски, т.-е. переорганизованъ для читателя согласно методамъ, выработавшимся на основѣ рабочаго движенія. Большинство романовъ Золя рекомендуется нѣмецкими социаль-демократами для рабочихъ библиотекъ, хотя направление Золя заведомо буржуазное: нарисованныя имъ картины разложенія различныхъ элементовъ общества очень удобно объединяются марксистскими концепціями относительно хода развитія и деградации различныхъ классовъ, и тѣмъ самымъ укрѣпляютъ эти концепціи.

Въ иныхъ случаяхъ, когда произведеніе „находитъ свою публику“ среди самыхъ различныхъ и даже враждебныхъ другъ другу группъ общества, дѣло критика будетъ также — показать либо тѣ общія переживанія этихъ группъ, которыя сумѣлъ выдѣлить и стройно объединять въ своей работѣ авторъ, либо тѣ различныя стороны и части содержанія книги, которыя находятъ откликъ въ переживаніяхъ той или другой группы въ отдѣльности. Напр., успѣхъ раннихъ произведеній Горькаго среди буржуазіи различныхъ странъ былъ, несомнѣнно, въ наибольшей степени связанъ съ ихъ индивидуалистической тенденціей;—одновременно же успѣхъ среди демократической интеллигенціи, а особенно рабочаго класса—съ ихъ боевымъ протестомъ противъ условій, стѣсняющихъ и сковывающихъ развитіе активности и творчества въ современномъ обществѣ. Все это на дѣлѣ, разумѣется, гораздо сложнѣе, чѣмъ можно выразить въ бѣглыхъ общихъ замѣчаніяхъ, и все это требуетъ внимательнаго анализа, постоянно имѣющаго въ виду живую социальную жизнь, по отношенію къ которой произведеніе художника есть и продуктъ, и организующая форма.

Теперь, однако, для насъ важно иное примѣненіе нашей общей концепціи; надо выяснитъ, насколько творчество культурныхъ формъ является дѣломъ индивидуальнымъ или коллективнымъ, и доступно ли оно только классамъ обезпеченнымъ, имѣющимъ значительный досугъ, или не имъ однимъ.

XII.

Итакъ, пусть передъ нами культурное произведеніе—какое угодно: романъ, картина, законъ, научное открытіе,—которое «принадлежитъ» опредѣленному, индивидуальному автору. Спрашивается, въ какой мѣрѣ авторъ объективно можетъ быть творцомъ этого произведенія, какъ одной изъ организующихъ формъ общественнаго бытія людей.

Предположимъ, что авторъ безусловно и вполне оригиналенъ, т. е., что все въ данномъ произведеніи принадлежитъ лично ему, и притомъ исключительно ему, какъ содержаніе, такъ и форма: нѣчто такое, что только онъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ, систематизировано и выражено такимъ способомъ, который только ему одному свойственъ, и никому болѣе. Въ этомъ предѣльномъ случаѣ мы имѣли бы передъ собой, очевидно, нѣчто вполне индивидуальное, но несравненно менѣе интересное, и менѣе понятное для какой бы то ни было публики, чѣмъ даже обычный бредъ сумасшедшаго: никому нѣтъ дѣла до содержанія, и никто не станетъ напрягать свой мозгъ, чтобы овладѣть формою произведенія.

Но такой предѣльный случай въ дѣйствительности невозможенъ: человѣкъ живетъ въ обществѣ, имѣетъ общее съ другими людьми поле воспріятій, высказываетъ свои переживанія при помощи методовъ, выработанныхъ до него процессомъ соціального развитія и усвоенныхъ имъ въ силу жизненной необходимости. Возьмемъ случаи, сколько-нибудь приближающіеся къ предѣльному.

Пусть влюбленный поэтъ съ величайшей точностью и тщательностью описываетъ намъ даму своего сердца, такъ, что его описаніе дастъ намъ только ея индивидуальный образъ, исключая для насъ почти всякую возможность сколько-нибудь слить этотъ образъ въ нашихъ представленіяхъ и эмоціяхъ съ другими, знакомыми и близкими намъ въ жизни: получается нѣчто въ родѣ фотографической карточки, хотя бы въ видѣ звучныхъ и стройныхъ стиховъ. Надо ли говорить, что подобное твореніе будетъ мирно покоиться на полкахъ книжныхъ магазиновъ, и не сыграетъ никакой культурной роли. Почему? Потому что содержаніе, въ немъ организованное, слишкомъ индивидуально, и ни для какой,

хотя бы самой неопредѣленной коллективности, книга такого рода не послужить средствомъ связать и сдѣлать гармоничнѣе общія переживанія.

Въ знаменитой „Пѣсни пѣсней“ еврейскій поэтъ также описываетъ свою возлюбленную. Его описаніе никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно въ фотографической точности. Сравненіе различныхъ частей тѣла невѣсты съ ливанскими кедрами, барашками на пастбищѣ, башнями, виноградными лозами и т. п. способно дать лишь весьма приблизительное и неясное понятіе объ его пропорціяхъ и формахъ. Тѣмъ не менѣе „Пѣснь пѣсней“ стала одной изъ священныхъ книгъ еврейской націи, т.-е., книгъ широко и глубоко организовавшихъ народный опытъ: въ эпоху религиозныхъ міровоззрѣній всякая такая книга дѣлалась выраженіемъ священной мудрости. Почему это такъ? Въ чемъ была культурная сила книги?

Въ феодальный періодъ жизни еврейскаго народа, когда на смѣну старому родовому быту развивалась индивидуальная семья, связанные съ нею инстинкты и эмоціи приобрѣли невиданную раньше силу и напряженность. Что сдѣлалъ поэтъ? Онъ взялъ образъ невѣсты, какъ живой центръ, около котораго легко и естественно было сгруппировать эти чувства и настроенія; на этомъ горячемъ чувственномъ фонѣ онъ сплелъ пеструю сѣть изъ самыхъ яркихъ впечатлѣній, какія давала тогдашнему жителю Палестины его домашняя хозяйственная жизнь и его торговые путешествія въ сосѣднія страны. Все вмѣстѣ образовало необычайно богатый и гармоничный комплексъ изъ общихъ народному коллективу и дорогихъ для него переживаній. Въ причудливо-узорномъ коврѣ „Пѣсни пѣсней“ каждый находилъ идеализированную картину всего наиболѣе радостнаго и свѣтлаго, что видѣлъ въ своей собственной жизни; и такимъ образомъ художественное произведеніе становилось новымъ звеномъ, скрѣплявшимъ сознаніе національнаго единства въ маленькомъ, энергичномъ народѣ, который шелъ тогда отъ племенной экономической и политической раздробленности къ государственному единству, среди тяжелой, ожесточенной борьбы съ могучими сосѣдями за свою независимость.

Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшній читатель „Пѣсни пѣсней“ не испытываетъ и десятой доли того соціально-эстетическаго насла-

жденія, которое она давала еврею старыхъ временъ. Наслажденіе это есть смутно-ощущаемое сліаніе личной жизни съ коллективною, чувство расширенія психики за ея индивидуальныя предѣлы. Но для насъ чужды многія переживанія далекаго племени далекихъ временъ, древняя поэма не организуетъ нашъ опытъ и наши чувства въ одну общую съ нимъ систему жизни, а лишь сравнительно слабо связываетъ насъ съ нимъ знакомою и находящею въ насъ откликъ картиною любовнаго экстаза, да нѣкоторыми образами, и для насъ еще „поэтичными“, т. е. порождающими въ насъ пріятныя, гармоническія эмоціи.

Непривыченъ и страненъ для насъ, противорѣчить отчасти складу нашего нынѣшняго мышленія самый способъ организаціи содержанія поэмы, вполне соотвѣтствовавшій складу мышленія автора и его народа на той ступени развитія. Это — „стиль“ данной эпохи и даннаго общества, употребляя слово въ самомъ широкомъ его значеніи. Въ насъ, напр., вызываютъ чувство противорѣчія тѣ восточныя сравненія, которыми переполнена поэма — крайнее несоотвѣтствіе уподобляемыхъ другъ другу предметовъ по ихъ величинѣ, очень слабое, на нашъ взглядъ, ихъ сходство по формѣ и свойствамъ. Мы часто воспринимаемъ такое сравненіе, какъ неорганизованное, дисгармоничное сочетаніе, — но совершенно иначе воспринимала его публика еврейскаго поэта. Современная цивилизація, съ ея точнымъ счетомъ, мѣрой, вѣсомъ, играющими такую огромную роль и въ ея техникахъ производства, и въ обращеніи товаровъ, развила въ насъ несравненно большую тонкость и строгость оцѣнки различій, чѣмъ та, которою люди обладали при натурально-хозяйственномъ бытѣ. Методы измѣренія и сличенія въ тѣ времена отличались крайней грубостью и неточностью; статистическія данныя тогдашнихъ лѣтописцевъ, доходящія до насъ, — сообщенія о грандіозныхъ битвахъ, съ десятками и сотнями тысячъ сражавшихся, о городахъ съ сотнями тысячъ и милліонами жителей, обыкновенно при провѣркѣ, гдѣ ее удавалось выполнить на основаніи какихъ нибудь матеріальныхъ остатковъ прошлаго, оказывались преувеличенными въ десятки разъ. Опредѣленія дѣлались тогда на глазъ, и эмоція удивленія при непривычной картинѣ большого города или многочисленнаго войска порождала высказыванье, съ нашей точки зрѣнія весьма невѣрное, но живѣе передававшее современникамъ автора непо-

средственное впечатлѣніе отъ вещей и событій, которыя онъ описывалъ. Въ сущности, на этой слабости воспріятія различій въ наибольшей мѣрѣ основывается тотъ смѣлый полетъ восточной фантазіи, съ ея гиперболическими сравненіями, съ ея неожиданными переходами, который порою прямо подавляетъ нынѣшняго читателя.

Въ иныхъ случаяхъ современное намъ произведеніе захватываетъ предметы жизненно-важные для насъ, т.-е. сами по себѣ „интересные“,—и мы, однако, находимъ его „неинтереснымъ“, бездарнымъ, безталаннымъ. Это значить, что методъ сочетанія матерьяла въ немъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ способамъ, которымъ всего легче и совершеннѣе организуются наши переживанія, такъ что произведеніе не можетъ выполнить своей культурной функціи по отношенію къ намъ. Но въ людяхъ другого воспитанія, другого склада мысли и чувства, т.-е. большей частью другой социальной группы, оно же, весьма вѣроятно, вызоветъ истинный восторгъ, чувство расширенія, углубленія жизни. Писанія Меншиковыхъ, политическія рѣчи Марковыхъ и Гучковыхъ кажутся намъ безнадежно пошлыми,—но у нихъ есть своя публика, общее сознаніе которой превосходно организуется этими культурными издѣліями.

Всѣ такія иллюстраціи поясняютъ намъ то, что мы могли и дедуктивно получить изъ нашей основной концепціи: культурныя формы въ дѣйствительности являются таковыми постольку, поскольку ихъ матерьяломъ служатъ явленія, отношенія, переживанія, общія для какой-либо коллективности и для нея важныя, а способъ связыванія матерьяла таковъ, что гармонируетъ съ ея жизненнымъ складомъ и увеличиваетъ ея организованность.

Посмотрите съ этой же точки зрѣнія на продуктъ иной идеологической области, напр., на тотъ или другой законъ. Его содержаніе составляютъ практическія отношенія людей, его форму—тотъ методъ, которымъ онъ ихъ регулируетъ. Если отношенія эти играютъ большую роль въ жизни социальнаго цѣлаго, то законъ принадлежитъ къ числу важныхъ, существенныхъ; если онъ вноситъ дѣйствительную гармонію въ нихъ, то признается закономъ хорошимъ, благотѣльнымъ. Въ классовомъ обществѣ онъ, обыкновенно, хорошо организуетъ жизнь одного класса, одной социальной группы, и плохо организуетъ или даже дезорганизуетъ

жизнь прочих классовъ и группъ. Отсюда его различная оцѣнка въ обществѣ. Всѣ согласятся, что законъ 9 ноября для Россіи очень важенъ; но если онъ хорошо устраиваетъ дѣла зажиточныхъ крестьянъ, и разстраиваетъ социальное бытіе крестьянской массы, если онъ создаетъ новую связь общихъ выгодъ между деревенской буржуазіей и бюрократіей, а также укрѣпляетъ связь политическихъ интересовъ между остальными слоями деревни и городскимъ пролетаріатомъ, но разрушаетъ въ то же время массу мелкихъ экономическихъ связей, — то понятно, что оцѣнка его культурнаго значенія окажется чрезвычайно различной, хотя критерій всюду однородный — увеличеніе или уменьшеніе организованности въ жизни какой либо коллективности.

XIII.

Теперь намъ легко установить соотношеніе между индивидуальнымъ и коллективнымъ творчествомъ въ развитіи культурныхъ формъ. Если даже видимымъ авторомъ книги, картины, теоріи, нормы является опредѣленная личность, то дѣйствительный генезисъ ихъ гораздо шире и глубже, онъ коренится въ коллективѣ. Въ общихъ переживаніяхъ социальной группы или класса для автора дано уже содержаніе, которое онъ долженъ организовать, и дана, конечно, самая потребность въ его организаци; что же касается ея приѣмовъ и способовъ, то они также должны соответствовать исторически сложившемуся типу жизни и мышленія той же коллективности, значить, опять-таки предопредѣляются въ ея социальномъ существованіи. Какова же роль автора? Онъ—организаторъ даннаго матерьяла, а черезъ то, въ извѣстной мѣрѣ, и самой коллективности: роль достаточно важная и почетная даже безъ всякихъ ея преувеличеній, порождаемыхъ индивидуалистической иллюзіей. Ее можно сравнить съ ролью сборщика машинныхъ частей въ механическомъ производствѣ. Нынѣшній, напр., локомотивъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ частей, крупныхъ и мелкихъ, которыя готовятся отдѣльно; и я помню случай, когда въ желѣзно-дорожныя мастерскія одной изъ крупнѣйшихъ нашихъ дорогъ впервые пришли въ

разобранномъ видѣ локомотивы „американки“: мастерскія оказались не въ состояніи собрать ихъ, пришлось выписывать и монтеровъ изъ-за границы. Безспорно, собираніе живыхъ элементовъ человѣческаго опыта—вещь болѣе сложная и тонкая, чѣмъ собираніе мертвыхъ частей машины, — но и здѣсь и тамъ тотъ же самый типъ сотрудничества между „авторомъ“ и его безчисленными, незамѣтными въ его работѣ сотрудниками.

Впрочемъ, было бы неправильно понять это въ томъ смыслѣ, что авторъ, напр., художественнаго или научнаго произведенія не можетъ дать въ немъ новаго содержанія, помимо того, какое уже выработалось до него въ трудѣ и опытѣ его коллектива. Напротивъ,—каждый изъ членовъ коллектива могъ дать что-нибудь новое въ общую сумму этого содержанія; и авторъ, разумѣется, не составляетъ исключенія, а въ большинствѣ случаевъ та доля, которую онъ самъ вноситъ, даже значительно больше, чѣмъ каждая изъ тѣхъ, которыя внесены его безыменными сотрудниками. Особенно это очевидно въ научныхъ открытіяхъ: когда, напр., Галилей открылъ спутниковъ Юпитера, то это было для астрономіи совершенно новымъ даннымъ. Но открытіемъ оно было не потому, что одинъ Галилей въ извѣстный моментъ увидѣлъ то, чего не видали другіе,—а потому, что послѣ того всякій могъ и долженъ былъ увидѣть то же самое въ указанныхъ Галилеемъ условіяхъ. Если бы было иначе, если бы новое содержаніе было „чисто-индивидуальнымъ“, т.е. существовало для одного Галилея, то оно было бы галлюцинаціей или сновидѣніемъ, а не открытіемъ. На дѣлѣ оно обладало объективностью или, что то же самое, соціальной значимостью ¹⁾. А культурно-важнымъ оно было отнюдь не потому, что вообще заключало въ себѣ нѣчто новое, но потому, что серьезно затрогивало интересы общества, потому что имѣло вліяніе на его идейную и даже экономическую организацію. Въ ту же свою зрительную трубу Галилей впервые увидалъ цѣлые десятки тысячъ „неподвижныхъ звѣздъ“, которыя раньше были недоступны человѣческо-

¹⁾ Марксъ, повидимому, первый понялъ этотъ истинный смыслъ философскаго понятія „объективность“, но, къ сожалѣнію, отмѣтилъ его лишь мимоходомъ („Das Kapital“, 5 изд., т. I, стр. 42). Теперь такъ называемые „марксисты“ типа Плеханова—Ильина считаютъ это вредной ересью эмпиризма.

му зрѣнію. Но не только любя четыре изъ этихъ десятковъ тысячъ, а и всѣ онѣ вмѣстѣ взятія не представляли такого важнаго культурнаго факта, какъ четыре „медицисскія“ крошечныя свѣтила. Изъ двухъ конкурировавшихъ въ то время способовъ организаціи астрономическаго матерьяла это новое данное наиболѣе гармонично укладывалось въ рамки того, который назывался „системой Коперника“, а не того, который назывался „системой Птолемея“. А выборъ одного изъ двухъ опредѣлялъ судьбу астрономіи, науки, регулирующей и человѣческой трудъ въ его цѣломъ—своимъ раздѣленіемъ времени,—и специально такія важныя его отрасли, какъ сельское хозяйство, а особенно мореплаванье, и другіе виды передвиженія по естественнымъ путямъ, когда только опредѣленіе широты и долготы создаетъ надежную оріентировку. Для разрѣшенія этой послѣдней задачи открытіе Галилея кромѣ того непосредственно давало наилучшій методъ—вычисленіе точнаго времени и долготы на основѣ затмѣній спутниковъ Юпитера;—и организація міровыхъ торговыхъ сношеній была значительно облегчена, что ускоряло развитіе буржуазнаго общества на мѣстѣ прежняго, феодальнаго.

Какъ видимъ, новое содержаніе, вносимое культурно-активной личностью въ опытъ коллектива, можетъ быть очень важнымъ. Не менѣе важнымъ бываетъ иногда измѣненіе методовъ организаціи того же опыта, вносимое отдѣльной личностью, чему примѣромъ можетъ служить роль Коперника. Но въ социальной средѣ происходитъ подборъ, который принимаетъ или отвергаетъ новое содержаніе, какъ и новые методы, — который сохраняетъ ихъ въ видѣ „полезнаго открытія“, или уничтожаетъ въ видѣ „нелѣпой фантазіи“. Да и самое открытіе личность можетъ сдѣлать, лишь всецѣло опираясь на предыдущій трудъ и опытъ своего общества. Не ясно ли, что въ концѣ концовъ „авторъ“, „творецъ“, „геній“ есть просто—точка приложенія созидającychъ социальныхъ силъ, которыя въ немъ концентрируются и черезъ его сознаніе вырабатываютъ себѣ новыя формы?

Какъ создаются въ жизни массы, въ ихъ трудѣ и обыденныхъ отношеніяхъ, тѣ элементы идеологіи, которые потомъ собираются во-едино различными „творцами“, и какъ тамъ же вырабатываются методы для организаціи опыта, которыми эти „творцы“ необходимо пользуются—этотъ интересный и важный вопросъ требуетъ

отдѣльнаго изслѣдованія. Здѣсь для научнаго анализа могъ бы всего лучше проложить дорогу художественный анализъ беллетристовъ—знатоковъ народной жизни, какъ для ученія Маркса о классовой психологіи въ значительной мѣрѣ проложили дорогу социально-бытовые романы Бальзака. Для насъ же въ данный моментъ важно лишь одно: не изъ произвола личностей, а изъ трудового бытія коллективовъ вырастаетъ духовная культура.

XIV.

Теперь, если намъ говорятъ, что какой-нибудь общественный классъ неспособенъ къ самостоятельному культурному творчеству, то мы должны понять это такимъ образомъ, что данный классъ неспособенъ къ самостоятельной организаціи, къ сплоченію своей массы и установленію живой связи своего опыта. Если такъ говорить о рабочемъ классѣ, то мы сразу видимъ, что это даже, въ сущности, не клевета, ибо нельзя назвать клеветой то, что такъ явно противорѣчитъ очевидности, — а безнадежная мечта тѣхъ, кого устрашаетъ и огорчаетъ происходящій въ дѣйствительности процессъ организаціи новыхъ общественныхъ силъ.

Когда же намъ разъясняютъ, что своей собственной культурной жизни пролетаріатъ не въ силахъ развить потому, что рабочимъ индивидуально не хватаетъ свободнаго времени, а также обезпеченности, то въ этихъ соображеніяхъ обнаруживаются двѣ существенныхъ ошибки:

во-первыхъ, весь культурный процессъ представляется въ грубо-индивидуалистическихъ формахъ — въ видѣ писанія книгъ отдѣльными авторами, рисованія картинъ отдѣльными художниками и т. под.; сразу упускается изъ виду вся та часть культурной работы, которая протекаетъ въ массахъ анонимно и безлично, слагаясь изъ неуловимо-малыхъ элементовъ; а это и есть основная, первичная часть классового творчества, и наиболѣе значительная;

во-вторыхъ, работа индивидуальная понимается ложно, какъ нѣчто первоначальное и абсолютное, не вытекающее изъ самаго существа жизни коллектива, и потому настолько случайное, что

оно не будетъ реализовано, если у той или другой отдѣльной личности не окажется значительнаго досуга и достатка.

Съ нашей точки зрѣнія отнюдь не существенно, будетъ ли идеологъ даннаго класса или группы принадлежать къ нимъ по своему личному социальному положенію, или не будетъ. Не все ли равно, въ комъ найдетъ временное персональное выраженіе коллективная творческая сила? Вопросъ только въ томъ, насколько будетъ полнымъ и совершеннымъ это выраженіе. Марксъ могъ тысячу разъ быть буржуазнымъ интеллигентомъ, — но если бы его идеи были продуктомъ буржуазно-интеллигентской мысли, то ихъ социально-организующая роль и ограничилась бы этимъ кругомъ. Въ дѣйствительности, именно тамъ она ничтожна, и даже скорѣе убываетъ, чѣмъ усиливается, тогда какъ среди пролетаріата она уже теперь огромна, и непрерывно возрастаетъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда распространеніе марксизма среди русскихъ рабочихъ было ничтожно, мнѣ сообщали такую исторію. Одинъ развѣзжавшій съ просвѣтителными цѣлями товарищъ, пробравшись на фабрику въ захолустномъ селѣ, наткнулся тамъ на кружокъ рабочихъ, по характеру чисто дружескій, а отнюдь не политическій. Рабочіе эти не имѣли никакихъ научныхъ книгъ, и не слыхали о существованіи Маркса; но собираясь вмѣстѣ и обсуждая условія своей жизни, они самостоятельно пришли къ основнымъ положеніямъ теоріи прибавочной стоимости. Я не могъ лично провѣрить фактовъ, но источникъ былъ весьма достовѣрный и, по существу дѣла, врядъ ли тутъ можно видѣть что-нибудь исключительное и странное. Не очевидно ли, что ученіе о прибавочной стоимости охватываетъ явленія, жизненно важные именно для наемныхъ пролетаріевъ, и притомъ съ той точки зрѣнія, которая для нихъ въ наибольшей мѣрѣ естественна и понятна. А для буржуазной интеллигенціи ни матеріалъ, сгруппированный въ этомъ ученіи, не представляетъ непосредственнаго насущнаго интереса, ни способъ его группировки и освѣщенія не вытекаетъ изъ ея общественной позиціи. Представленіе о безличномъ, коллективномъ трудѣ, какъ единственной основѣ всякой цѣнности, всего меньше могло бы получиться на почвѣ практическаго опыта буржуазной интеллигенціи, трудъ которой такъ индивидуаленъ по формѣ и такъ индивидуализированъ по содержанію, работа которой оплачивается такъ разнообразно, въ прихотливой

зависимости не только отъ личныхъ способностей, но зачастую даже и отъ удачи.

Подобнымъ же образомъ было бы въ высокой степени странно думать, что теорія историческаго матеріализма возникла изъ интеллигентскаго опыта. Базисомъ общественнаго развитія она признаетъ производительныя силы соціальной системы, т.-е. совокупность ея средствъ производства и ея рабочихъ силъ: со всѣмъ этимъ интеллигенція всего меньше имѣетъ дѣла. Живя по преимуществу въ сферѣ „духовной“ работы, она сама по себѣ наиболѣе склонна къ соціальному идеализму, къ признанію идей за движущія силы (соціального бытія. Наоборотъ, для пролетарія „производительныя силы“—это та сфера, въ которой протекаетъ его ежедневный трудъ, вырастающія изъ нихъ экономическія отношенія—это та область, гдѣ идетъ его насущная соціальная борьба; и наблюдая различіе своей точки зрѣнія и точки зрѣнія предпринимателя на однѣ и тѣ же, очень простыя вещи, пролетарій легче всякаго другого долженъ чувствовать зависимость идей отъ экономическихъ интересовъ и отношеній ¹⁾. Незамѣтно и непрерывно изъ безчисленныхъ мелкихъ и крупныхъ фактовъ обыденной жизни, накапливается въ пролетарской душѣ тотъ опытъ, для котораго соціально-философская теорія Маркса является прямымъ выводомъ и обобщеніемъ.

Для меня до сихъ поръ остается интересной психологической загадкой, почему я не могъ найти въ марксистской литературѣ отчетливаго выраженія мысли о томъ, что идеологія, или духовная культура, выполняетъ организующую функцію въ жизни общества, группъ и классовъ. Взявши историческій матеріализмъ безъ этой концепціи, мы получаемъ крайне странное и нелогичное положеніе для тѣхъ, кто ставитъ себѣ задачею жизни развитіе клас-

¹⁾ Дѣловая буржуазія, для которой центромъ жизни является экономическая борьба и финансовыя интересы, склонна къ своеобразному „экономическому матеріализму“, ставящему въ основу соціальной жизни и м у щ е с т в е н н ы я отношенія, при чемъ къ нимъ сводится всецѣло и классовый антагонизмъ. Эта доктрина обладаетъ внѣшнимъ сходствомъ, и нѣкоторымъ внутреннимъ родствомъ съ историческимъ матеріализмомъ, которому она проложила путь, какъ и сама буржуазія проложила путь пролетаріату. Тѣ буржуазныя историки, какъ Тьерри и Минье, которыхъ указываютъ обыкновенно, какъ предшественниковъ Маркса, были представителями именно такого соціального міровоззрѣнія.

соваго самосознанія, т.-е. идеологіи коллектива. Выходить такъ, какъ будто люди хотятъ содѣйствовать перестройкѣ общества не премѣнно съ верхняго этажа, а не хотятъ касаться ни фундамента, каковымъ являются производительныя силы, ни перваго этажа—экономическихъ отношеній, вообще—направляютъ свою работу не въ глубину социальнаго бытія, а на его поверхность. Наоборотъ, наша концепція сразу устраняетъ недоразумѣніе: развивать классовое самосознаніе—значить организовать классовую силу.

XV.

Вопросъ о культурныхъ принципахъ, которые предстоитъ пролетаріату внести въ жизнь общества, оказался, при ближайшемъ изслѣдованіи, тождественъ съ вопросомъ о принципахъ его организациі. Слѣдовательно, мы должны выяснить, какъ фактически онъ организованъ, и въ какую сторону направляется развитіе организационныхъ формъ его социальнаго бытія. При этомъ оказывается вотъ что.

Какъ участникъ системы производства, наемный рабочій связанъ съ другими ея участниками посредствомъ весьма различныхъ отношеній, которыя, однако, всѣ сводятся къ тремъ типамъ.

Во-первыхъ, на рынкѣ труда рабочій встрѣчается съ предпринимателемъ, какъ покупщикомъ его рабочей силы, и съ другими рабочими, какъ ея продавцами. Тутъ позиція рабочаго характеризуется формальной независимостью и равенствомъ какъ по отношенію къ его контръ-агенту капиталисту, такъ и по отношенію къ его конкурентамъ—другимъ рабочимъ. Каждый руководствуется только своими интересами, каждый свободенъ соглашаться на тѣ или иныя условія. Но независимые личные интересы сталкиваются, и социальная связь принимаетъ форму борьбы рабочаго изъ-за оплаты рабочей силы съ ея покупателемъ, изъ-за возможности продать ее—съ другими продавцами. Въ этихъ рамкахъ позиція рабочаго среди общества представляется чисто индивидуалистической: какъ обособленная личность, онъ